

ВОСПОМИНАНИЯ

О СВОЕЙ ЖИЗНИ

МЕЖЕЦКОЙ

ЛЮЦИИ

АЛЕКСЕЕВНЫ

Ноябрьск 2004

Мне хочется написать, рассказать, своим детям и внукам мое далекое детство и все прожитое мной, как сказку, но это настоящая быль, правдивая история человека. В те тяжелые годы для меня я не находила время чтобы устно беседовать и рассказывать о прошлом, а потом у детей свои семьи и заботы и работы, им нет время чтобы меня послушать. Мне хочется, чтобы они и их подрастающие дети в свободное время прочитали и сравнили прошлую жизнь и настоящую. Мне 69 год. Прошу не обращать внимания на мои ошибки, безграмотность. И так ...

Глава 1

Я родилась в 1906 году в Томской области Кожевниковский район деревня Верх-Уртамка. Родители по социальному происхождению и положению крестьяне. В Сибирь выехали из Латвии в 1902 году из-за малоземелья. Дед Матвей и его два сына жили на одной десятине земли. Старший сын Адам Матвеевич образования имел 4 класса, младший, мой отец Алексей Матвеевич 3 класса и курсы портного. Ранее дед Матвей ходил в Сибирь в поисках земли (назывались ходоки). В то время железные дороги были не везде, вот эти ходоки большую часть пешком и драпали. А в Сибири необъятный простор, вот они и поселились по выше указанному адресу. Деревня стояла на маленькой речушке Верх-Уртамке, которая впадала в реку Обь. От сюда и название деревни Уртам. Наша деревня насчитывала 62 хозяина. Занимались крестьянским трудом, выращивали хлеб, скот. Места лесные, земля плодородная, черноземная. Вот мой дед с сыновьями, снохами и приземлились в этой деревушке. Стали обживатьсь. Пахали и сеяли хлеба, обзаводились скотом и постройками. Отец мой прирабатывал иголкой: шил шубы, пальто, костюмы, широкополые зипуны под пояс. Заработанные деньги отец отдавал все деду. Жили все вместе: дядя Адам и тетя Франя с детьми, мои родители, старшая сестра Аня и я. Всего 9 человек. Дед – вдовец, командовал всеми и распоряжался деньгами. Что купит, то и носили, что скажет, то и делали. Почему-то деда все слушались. Дед был здоровый мужчина среднего роста, плечистый, красивый, лоб широкий с двумя залысинами, глаза открытые милостивые. Если что скажет, то закон был для всех. Он никогда не болел, зубы все как у молодого. Говорил, что никогда не бывал у врачей и ни одной таблетки и порошка не принимал. Не курил и редко выпивал по маленьку. Я не видела его пьяным. На работу был верткий и ловкий, сам шел впереди, а семья за ним. Сначала купили одну лошадку, пахали сохой, позже купили другую и плуг. Сеяли все культуры: рожь, пшеницу, ячмень, овес, лен. Сами убирали, и сами размальывали зерно на жерновах в муку. Жернова - это два больших круглых камня, как колеса автомашины, клались один на другой. У верхнего в центре небольшой люк, куда одной рукой сыпали зерно, а другой за ручку крутили. Очень тяжелая работа! Пока ведро смолишь, семь потов прольешь. Была правда водяная мельница в деревне у частника, но надо было платить и ждать очередь. А дед был скуповат, даже не разрешал снохам сеять муку. А если к празднику стряпали, то дед сам сеял муку на редком сите, чтобы не распылить. Летом трудились на полях, а зимой лен мяли, трепали, ткали, шили, вязали носки и рукавички. Строили дом и для скота двор, завозню. Семья прибывала. У дяди стало трое ребятишек и у нас трое. Детская шалость надоела деду, и он задумал разделить семьи. Стали строить другой дом. По жребию он достался моему отцу, и мы стали жить в новом доме отдельно.

Глава 2

Дом был пятистенный, бревенчатый, большой: комната и кухня. В кухне русская печь, в комнате - маленькая железянка. В углу стояли иконы и нас заставляли молиться богу утром и вечером. Мама специально обучала нас с молитвенников, и мы быстро усваивали молитвы. Были еще две деревянные кровати. На одной спали родители, а на другой мы с сестрой. Меньшой братишка Петя спал в зыбочке, которая подвешивалась к потолку на пружине.

На дворе был колодец, амбар, хлев, стайка для скота, в огороде была баня. Приусадебный участок – 60 соток. Пара лошадей, две коровы и телки, овцы и свиньи. Сеяли, сколько хотели. Но отец не засеивал много. Сеял с таким учётом, чтобы для себя хватило на пропитание и скоту и чтобы своими силами все убрать с полей. Летом трудились с темна и до темна, на часы не смотрели, да их и не было. Таскали и нас собой, и малыша, и его зыбочку. Я нянчилась, а Аня училась все помогать. На зиму заготавливали дрова. Дров надо было очень много. Топились одними дровами, так как угля не было. Осенью убрав с полей зерновые культуры возили дрова, сено, мяли лен, трепали и заседали прясть.

Начиналась зимняя пора. Прялка у нас в семье была одна. Мама учила нас, чтобы самопряха не гуляла. Пока она стряпает и ходит за скотом, самопряху крутили мы. Аня научилась раньше, но и я не сдавалась, пряла ловко. Отец занимался шитьем, работы у него было много. Народ понял, что он портной хороший и упрасивал его: пожалуйста Алексей Матвеевич не откажите вот к такому-то празднику. И отец выполнял просьбу. Сидел за шитьем вечерами при керосиновой лампе. Иногда просил маму на помощь, что попроще подшить или кудель расстелить (наподобие листа ваты), а ваты и не знали. А мы рядом должны были быть. Одна прясть, другая вязать рукавички или носки, купить негде и не за что было. А как хотелось побегать, поиграть с другими ребятами. Но был режим такой. Когда кончался день, и начинались сумерки, но лампу зажигать было рано, и керосин жалели, тогда нам разрешали полчаса побегать. Мы быстро отрывались от работы и вихрем неслись на улицу. Играли в прятки, зарывались в сено. Лишь только был слышен мамин голос: по местам! Лампа зажглась, мы мигом были дома. А как хотелось к дедушке, но мы имели право только по праздникам ходить. Дедушка по прежнему протягивал руку, просил морю и пальцем варил на ней кашу. А мне было обидно, что он по прежнему считает меня маленькой, ведь мне было уже 7 лет. С дядиными ребятами играли дружно, не успели отвыкнуть друг от друга.

В этом году дед у нас скорострительно скончался, по видимому от заражения крови. Поцарапал палец и не завязал, загрязнил, к врачам не обратился, да и врачей не было, был частный фельдшер за 40 километров, да и мало кому он помогал.

За этот прошедший год из России понаехало много лапотников (так новичков называли старожилы). Правда все ходили в лаптях, но была и выходная одежда. Приехало много знакомых родителям. Приехали мамини родители - бабушка с дедушкой. Вот уж было радости для меня, а мама почему-то плакала, внимательно слушая своих родителей. Помню, они рассказывали, что в дороге были полмесяца, и вши заели. Временно остановились у нас. Место жительства они выбрали от нас за 18 километров в деревне Осиновке. Дед был еще не старый, сухощавый, подвижный, очень веселый, говорун. А бабушка спокойная, среднего роста, цветущая, полная. Мне казалось. Что красивее бабушки нет. Деда звали Иван Иванович, а бабушку Мария. Вот они от нас и уехали. У нас остались какие-то папины знакомые, пожилые, бездетные. Деда звали Францик, бабку Магдалена. Они прижились у нас и прожили 8 лет, их койка стояла за печкой. Дед Францик ходил по деревни и кастрировал поросят, ягнят, бычков. Бывало вечером идет домой и несет сумку тех запасов, которые вырезал. Он часто приглашал на тарковье, но наши не садились и нас отговаривали. А бабка Магдалена носила всей деревне ребятшек, как нас тогда убеждали. Часто она терялась из виду, а когда возвращалась, мы ее спрашивали, где она была. Она отвечала, что ходила в лес и там, в болоте на кочке нашла маленького ребеночка, вот и отнесла тете' Вере. Приносила бабка и нам через год маленьких. Как -то старшая сестра Аня, ей 9 лет было, попросила бабушку Магдалену взять ее с собой на поиски ребеночка. Бабка не отказала. Вышли за деревню. Заметив в кустах что-то живое, бабка приказала ловить. Аня бросилась со всех ног, расставив руки, упала, подбегая, упала на это существо и крикнула обиженно, что это не ребенок, а теленок. Огорченная, пришла домой, а там взрослые в волю посмеялись над ней. Так взрослые скрывали от нас правду и были так осторожны, чтобы мы не узнали, откуда берутся дети. Когда бабка приносила нам ребенка, нас всех отправляли к дяде Адаму. Придя, домой по приглашению и, найдя маму в постели, спрашивали, что с ней. Она отвечала, что заболела, бабка набила. Она принесла маленького, а мама не хотела брать. Вот бабка ее и избивала, болеет. Спрашивала, что будем делать возьмем или нет. Мы в один голос кричали, что возьмем. Почему-то детей любили. Но мальчиши долго не жили. Были очень хорошие, полные, но только до лета. Каждое лето смерть уносила тысячи детей. Дифтерия, дизентерия и другие разные болезни уносили их. Врачей не было. Не забуду, как плакали мы и другие, только и слышно плачь с причитаниями, голосили, женщины волосы рвали на себе. Нас у мамы было десять, в живых остались только пять детей: Саня, Ваня, младший Леша, и мы с сестрой.

Мама папа жили дружно. Я никогда не слышала, чтобы они грубо разговаривали, а не то, что ругались. Папа, как и дед, был среднего роста, плечистый, смугловатый, малословный, добродушный. На работе горел. Не курил и не пил зря. Правда, в компаниях выпивал. Сильно пьяным я его не видела. Мама слов не жалела, в компаниях вела себя весело. Хорошо пела, голос был ведущий. Учила и нас. Бывало, за пряхей хоровое пение устраивали и на свадьбах. Чувствовалось какое-то уважение от окружающих, здоровались низко кланяясь. Папу все называли Алексей Матвеевич, а маму Фекла Ивановна. Ни с кем они не скандалили. С соседями жили дружно. В гости родителей приглашали часто. Когда они уходили, нам наказывали убраться. Наносить воды, дров, накормить свиней, овец, коров, телят. Тут мы соображали, как скорей все сделать. Сена набросаем с амбара, из закрома ведром подденем

зерна, насыпем по корытам, напоим скотину. Управлялись как можно быстрее, чтобы у нас больше времени для прогулки осталось. Тут собиравлись все соседские ребяташки. В то время у нас жил мамин племянник Сидор, он учился у отца ремеслу портного и был старше нас лет на семь-девять. Всегда он, что-нибудь да учудит, когда старших нет дома. Наша мама мастерица была варить пиво из ячменя. Всегда у нее оно стояло, припрятано в четвертной бутылке. Вот он (Сидор) и придумал напоить Анечку. Пообещал ей уплатить 5 копеек, если выпьет она четвертную, т.е. 3 литра. Она раздулась и не выпила. Опьянела, ползает по полу, а он закатывается. Пришли родители, нашли девочку больную. А он скрыл и нас предупредил не говорить. Он учил нас танцевать, приходили к нам и другие девочки. Мы его шутника почему-то любили. Как-то наши родители еще раз ушли на гулянье вечером. А к нам пришла девочка Берта, она была старше меня на три года. Не успела она войти, как Сидор пригласил ее на танец. Увидев, что наш маленький малыш навозил на полу, он приказал ей снять валенки, якобы босиком учиться танцевать легче и та выполнила. Вот он ее и повел, задом, задом и на мягкое, теплое. Берта ощутила г... и захромала, заскакала, а мы уже на ногах стоять не могли, падали от смеха. Играли в жмурки, в прятки и другие разные игры, и нам хотелось, чтобы наши подольше задерживались. По приходу родителей мы уже были заняты работой. Задавалось задание, кому и что делать по хозяйству. Старшим трудней работа, младшим легче и мы безоговорочно выполняли.

Летней порой брали нас на полевые работы, и мы за все брались как мураши. Помогали делать все. Боронили, жали, вязали снопы, дергали и стлали лен. Сильно надоедали комары, пауты, мошка, слепни, которые тучей садились на лицо и лезли в глаза. Постоянно приходилось отмахиваться. Гнус очень мешал, когда косили сено. Пытались надевать марлевые сетки, раскладывали дымокур. Даже дома не могли без дымокура подоить коров. Даже приходилось спать в дыме, который разъедал глаза. Мы плакали. Днем мухи, тараканы и сверчок где-то за печкой не давали покою. Уж как мы его искали, очень он хитро прятался.

Глава 3

Дед Иван с бабушкой приезжали часто. На лошади 18 километров казалось далеко. Мы выбегали гурьбой, встречали милых гостей, выпрягали лошадь, кормили и поили ее. Приезжали они всегда с подарками. Дед был большой, сильно похудел. Он много лет страдал астмой. До приезда в Сибирь они жили в России на небольшом участке земли. У них было только три дочери: Юлия, Фекла и Анна. Дед из-за плохого здоровья не стал управляться обрабатывать свой участок и хозяйство. Он решил принять в дом зятя. Не спрашивая, согласия 16 летней Юлии, он женил ее, а младшую Феклу выдал за моего отца, сам остался с Анной. Через некоторое время они вместе с Юлией и ее мужем выехали в Сибирь. Привязавшись к сибирской земле, обжились хорошо. У моей тети Юлии родились три ребенка. Первый Сидор и близнецы Эдик и Саца.

Случилась беда. Муж тети Юлии Антон уехал в тайгу за лесом, жив и здоров, а от туда привезли мертвого. Вроде говорили, что у него излияние крови. И дед Иван в этом году скончался. Тетя Юлия осталась с бабушкой и тремя детьми. Хозяйство было не малое и она, приняла к себе мужа, хозяина, какой-то беженец, назвался парнем. Это был высокий мужчина с грубыми чертами лица, очень грубого характера. Вот где тетушка хватилась горя с ним. Сразу от него принесла, затем еще близнецов и еще и стало у нее 8 детей. Ее муж Иосиф детей на руки никогда не брал, обедать к столу не подпускал. Как рявкнет, они только шепотом должны были разговаривать. Мне этому пришлось быть свидетельницей.

В нашей деревне школы не было. Она была в соседней деревне Осиновка. Деревня была большая. Меня родители отдали в школу в эту Осиновку. Я почему-то неудержимо рвалась в школу, но ничего не достигла. Ребятишек много, учитель совсем старичок, ничего не мог дать детям. (Тогда так твердили мои родственники) Две недели я ходила в школу, толком и все буквы не узнала за это время. Мама моя успела соскучиться и приехала со слезами. Пользуясь слухами, обрадовалась ну и пусть не девичье это дело учиться. Пусть прядет и ткет, у нас семья. В тот же день увезла меня домой. Тетя Юлия очень жалела меня, что я бросаю школу, казалось, она больше нас понимала. Да и действительно понимала больше нашего. С нею считались, на собраниях ее выдвигали делегаткой куда-то поехать, соседи приходили за советом. Она была добрая, но несчастная и мне ее было жалко. Я на дядю смотреть не хотела. Он был похож на льва здорового или тигра, но гнусавил и шипел. Вот по этому тетин первенец жил больше у нас, чем дома, а я к тете Юлии так привязалась. Мне хотелось ей помочь т.к. у нее старшие были все парни, а меньшие две девочки, и еще родился девятый мальчик. У тети не было времени подержать и накормить ребенка. Зимой она и не раздевалась. Во дворе

стояла кухня, там она и варила и кормила всех. Особенно свиней держали много, для чего я не понимала. Очень мне не нравилось когда они проголодаются, визжат, несутся, гляди с ног свалят. Пока их тетя не накормит, не выйдешь на улицу. В доме помогала бабушка Мария, водилась с ребятишками, на стол собирала и убирала, прядла, вязала. Хотя занята она была и другими делами. Она заведовала шерстобиткой, которая стояла в старом доме. Приходили и приезжали люди, чтобы расчесать шерсть, которая шла и на валенки и на пряжу. Очень много за зиму нарядала и бабушка. А меня привозили к весне ткать, эту работу я очень любила. Мама научила и я с успехом могла основать, наладить, т.е. натянуть, навить на красна станок самодельный и в нитье берда все вводила, хотя мне было всего 11 – 12 лет. Помню приходили соседки и удивлялись, что у них много старше девочки, а не могут наладить и столько соткать. Мне нравилось, что меня хвалят, после чего я старалась сделать еще больше. Целыми днями я не вылазила из-за станка, челнок с руки в руку бегал быстро, к вечеру руки в плечах болели и ноги, ибо и ноги работали, но я не сознавалась. Тетя Юлия старалась кормить меня как можно лучше, даже за работой совала, что ни будь покушать, но я стеснялась дура, отвечала что не хочу. И в присутствии грозного дяди я тоже не могла поесть, хотя он относился ко мне хорошо. Он часто меня похваливал, что взрослые не смогут столько соткать.

Я тетю очень любила и хотела, как можно больше ей помочь. Я часто стала ездить к ним. У них семья была больше нашей. Ребятишки все росли здоровые. Правда, маленький Павлик умер в четыре года. Как-то напал на него чужой гусак и сбил ребенка. Он сразу заболел, болел долго и скончался. Хороший был покойный Павлик. Я думала ну и что, меньше одним будет, а тетя уж очень плакала. Я думала, что тетя Юлия плачет т.к. ей горькая судьба выпала. Я тогда еще не знала материнской жалости. Думала, что маме живется лучше, отец ее жалеет, все старался сделать за нее, ребятишек любил, водился в свободное время, словами не обижал. Поэтому мне тетя казалась жалкой.

Приходили подружки ко мне, приглашали на улицу погулять, и тетя отправляла меня, но я не могла оторваться от работы. Гуляла только в выходной день. Вот как-то пришла девочка Ядя, полячка, ее родители тоже часто приходили и называли меня невесткой т.к. у них был сын красавец, кудрявый Санька. Я заливалась румянцем и злилась, но с Ядей дружила. Она была года на три старше. Вот она меня и повела в другой край деревни. Что-то я тебе покажу, чудо, брюхатую девку. Такие случаи были редкие. Вот она специально повела и рассказала откуда берутся дети. Я свою маму беременной не замечала, ибо она носила широкую юбку и широкую кофту, очень остерегалась.

Глава 4

Дома с наступлением весны мы брались за полевые работы и огород. Отец пахал. Я боронила. Аня, почему-то боялась лошадей, мне же наоборот нравились лошади. Особенно молоденькие, спинки мягкие. Я не боялась их обучать. Стоило им только лечь, как я вскакивала им на спину. Жеребенок тут же соскакивает, и понес кругом двора, мне не страшно, только в гриву крепче уцеплюсь. Боронила верхом, бывало, собьешь задницу, что сесть нельзя, тогда хожу пешком за бороной. По приезду домой, веду лошадей, спутаю и пушу в поскотину. Поскотиной называлась огороженная за деревней жердями кругом большая площадь, заросшая кустарником и березняком. Так, что на утро было трудно найти лошадей, за ночь они уходили далеко. Привязывали колокольчик (называли ботало) по звону своего колокольчика и искали лошадей. Эта работа возлагалась на меня. Аня помогала маме по хозяйству и водилась с меньшими.

После посевной начиналась прополка. Почему-то очень засоренными были поля. Осот «страшный» глушил, тогда семьями выходили на борьбу с сорняками. Гнус и комары не давали житья. В одной руке березовые ветки, отмахиваешься, а другой полешь. Руки накальвали осотом, опухали, становились желтые, грубые. Приспособлялись ножом срезать осот, но это не разрешалось. Должны были вырывать с корнями, а то отрастает осот. А с корнем вырвать не легко, корень длинный, крепко сидит. Не успели закончить прополку, как начинался сенокос. Вооружались все. Отец налаживал литовки, отбивал, точил. Мне было 10 лет и, была дана литовочка меньшая в руки и учили косить. Быстро овладела и шла рядом с взрослыми, только прокос был уже. Подсыхало сено, сгребали, метали в копны, а затем в стога. Коневозом уже стал Саша. Моя миссия была – стогоправ. Мама и Аня сгребали. И так каждое утро. Папа запрягал лошадей, мама готовила завтрак и собирала провизию на поле. Я доила коров и выгоняла их на пастбище. Усаживались и укладывали все на телегу, ребятишек, литовки, грабли, вилы, бочонок с водой, продукты, зыбку для ребенка, даже мест всем садиться не хватало. А телега самодельная, вся деревянная, громадная, только колеса были окованы

железными обручами. Она так трясла, что сердце и печень болели, и в голову кололо. Дороги кочковаты, мало наезженные. Так как на телеге места всем не хватало, мне всегда предлагали садиться верхом на жеребенка - подростка и я с удовольствием за телегой ехала. А вечерами, закончив работу мне говорили, садиться на коня и с таким расчетом пока они соберут все горшки на телегу, запрягут и доберутся, чтоб ребятишек не растрясти, я должна быстрее доехать домой. Приехав, встречала с пастбища скот, доила коров, растапливала печку и к их приезду ужин уже был почти готов. Дома ходили летом босиком, а зимой в валенках. Летом почему-то ноги трескались, до крови. Вечером мыли их и плакали, очень уж больно. На работу летом обували лапти. Мама быстро плела их. Веревочки вили сами. Чулки вязанные, холщовые, чтобы комары не прокусывали. Все на нас было льняное самотканое, грубое. И это спасало от комаров и разной мошки. Но лапти скоро изнашивались, и мама на ходу их заменяла. Посылала нас в колок. Мы надирали лозу, и она за 10-15 минут делала новые, очень легкие, удобные, ноги не сотрешь. Приходилось косить вокруг болот, где была и вода. А в лаптях в воде побудешь, выйдешь, а ноги тут же и сухие. Не справились заготовить сено, а сена надо много, как уже ждал хлеб. Рожь поспевала раньше всех хлебов. Тут же и ячмень, лен, пшеница, овес, просо, гречиха. Все приходилось убирать в ручную. Машин в те годы не было. Вот и пластались в деревне с темна и до темна. Рожь и пшеницу жали серпами, а ячмень и овес косили литовкой. К литовке прилаживали грабли, литовка делалась очень тяжелая. Не мало пришлось и мне потаскать. Так все лето день-деньской трудились, кормили комаров. И я утро-вечер носилась верхом.

Пришла осень. Копка картошки, обмолот хлеба. Молотили цепами. Сушили в овине. Молотилка была только у богатого старожила, но ее добыть было трудно. Размалывали зерно на муку вручную. Адский труд. А летом нам как хотелось покуражиться, хотя речушка была маленькая, берега грязные. Правда, выше к мельнице был запруженный пруд, но был от нас дальше. Но мы имели право только после работы окунуться и в выходной день. Плавать умели хорошо. В субботу топили баню. Тут уж мы отмывались. Баня была по черному, каменная печка без трубы, весь дым шел в баню, и воду греть нужно было там же в печке. Вот уж дым разъедал глаза и дышать было не чем. Воду носили на коромыслах. Чаше всего меня с работы отпускали раньше обычного топить баню. И я садилась верхом и неслась стрелой, чтобы баню истопить, картошки накопать, скот встретить к приезду остальных. Вот таким трудом мы стали жить, как нам казалось, хорошо. Отличались от дяди Адама. Купили большой самовар, справили ходок на железном ходу, т.е. телегу, увеличили поголовье скота. Коров стало четыре, но они были сибирские, маленькие, молока давали до 12 литров в сутки каждая. Молоко, масло не продавали. Да ни кто и не покупал, у каждого было свое. Базара не было.

Питались хорошо, даже свиньям доставалось. Сметана, простокваша, сыр делали сами. Сыр очень вкусный и даже в запас в амбаре в сетках висел, висело и копченое мясо, сало. Полные закрома хлеба. Лишние продукты не знали куда девать. От города жили 160 километров. На лошадях считали далеко, дороги плохие, летом разбитые, грязные. Зимой снегом занесенные, мало наезженные. Снега были очень глубокие. Места лесные. Наверное, по этому ни куда и не ездили. Излишки продуктов переводили на г..... Одевались с ног до головы во все самодельное. Валенки катали сами, чулки и носки вязали. Сами ткали и шили штаны и юбки. Рубашки, кофты тоже. Костюмы, шубы, полушубки, мерлушки делали и шили сами, и шали ткали шерстяные. На постели все было самодельное и полотенеца. Правда, изредка ездили в город. Стали покупать одежду и обувь выходную, одевали по праздникам и в церковь. Как-то мама купила два платка нам с Аней шелковые, но один был дешевле и хуже. Я это заметила и обиделась. Мама говорила, что она старше, ей надо лучше, она больше работает. Но мне казалось, что я не меньше работаю. Поняв такую обезличку. Я стала ей не сдавать, а больше везде выработать в любой работе. Стали нам покупать ровно. Я и ростом не отставала. Она была здоровьем слабая. Если жали или косили, то она отставала. Жили мы с ней дружно, пели песенки на работе, на сенокосе. Будучи не далеко от пасеки. Затевали протяжную песню. Тогда выходил старый пасечник Стукалов Семен и приглашал нас мед кушать. Говорил, что это за ваши песни. Хорошо поете, а я люблю слушать. А мы довольные похвалой и медом с большей энергией косили. Днем жарко, работали молча, а вечером опять запевали. Почему-то и усталости не знали. В обеденный перерыв отдыхали мало. А когда сгребали сено, то совсем не отдыхали. Чуть не бегом бегали, чтоб больше сметать, пока погода стоит. А если дождик, то опять за литовку и лен в дождик рвали. А отдыхать и не думай до покрова, до снега.

Вот однажды осенью, когда люди убрали хлеб и ссыпали в амбары, случилась большая беда. В один сухой и ветренный день некий Семенчук гнал самогон. Будучи пьяным, допустил огонь, загорелся его домик. Он жил в конце деревни и на деревню подул сильный ветер. Так как постройки были крыты больше соломой, то огонь быстро перемещался с дома на

дом. Сначала люди бежали с ведрами тушить, но затушить было не возможно, сильный ветер раздувал огонь. Люди убежали сами. Страшно кричали свиньи, горели тысячами, лошади ржали, коровы ревели. Треск, шум огня. Со страшным шумом и грохотом падали крыши, бревна. Солному с огнем подхватывал ветер и переносил с одного дома на другой, со стайки на амбар. Меня с детьми эвакуировали на зады огорода, должна была контролировать ребятшек. И от туда было видно страшное зрелище. Горела деревня вся почти разом. Люди уже не тушили, выли, голосили. Прибежали люди из другой деревни на помощь. Наш дом был крыт тесом. Мои родители с помощью других спасали его: Мочили простыни, одеяла и этим застилали крышу, стены обливали водой и отстояли дом. И так через несколько часов огонь слизал деревню. Остались редко где дома и на задах баньки. Помнится, как вечером к нам собрались люди, всю ночь плакали, а утром пошли гурьбой по деревне смотреть. Не узнавали свои усадьбы. Чернели лишь одни только русские печки с обломанными трубами. Догорая, дымились кучи зерна, кости скота. Пытались, с горелого зерна сгребать верхний слой, под низом казалось, зерно еще не сгорело. Но зерно было темное, пропитано дымом и не годно к употреблению. Даже для скота было горькое. Как пострадали люди, страховку никто не получал. Пошли все по миру, просили ради Христа на погорелых. Раздали и мы не мало хлеба, т. е. зерна, ведрами и даже мешками пострадавшим от огня. На кануне зимы, люди у которых остались бани, ютились в банях. А у которых остались дома пускали к себе квартирантов. И у нас негде было повернуться. Копали землянки. Помаленьку разрединись к большим морозам. В те годы зимы были очень суровые. Пришла весна, крестьяне уцепились за землю, пахать, сеять и заготавливать лес на постройки. Сами рубили себе, кто какой мог домик, амбар, стайки для скота, обзаводились и самим скотом. Не успели люди окрепнуть, тут война германская нависла, ушли мужики на войну. Взяли и дядю Адама и нашего отца. Хватили горя женщины и дети. Работать нам пришлось еще больше. Мама осталась беременная, а остальные маленькие. Приходилось браться за все мужские работы, за плут, за борону, с лошадьми управляться. Старшая сестренка была трусиха, так и оставалась в сторонке. Все приходилось выполнять. Скот пасли сами, все по очереди. Через несколько дней подойдет наша очередь, стадо было большое. Обуваешь лапти, кнут в руки и пошел по деревне скот собирать. На плечах сумка с провизией и работа с собой, ходишь за скотом и вяжешь чулок. Бегая по кочкам, бывало, потеряешь спицу, тогда начинаешь молиться, просить бога о помощи, пока найдешь в траве спицу. Молились мы и за папу, чтобы скорей вернулся, уж так мы молились до слез. Постились. Все посты выдерживали. Кроме постов, каждую неделю постились каждую среду и пятницу. Правда, молочное разрешалось. Ну а в обычные дни питались очень хорошо. Мяса варила мама много, и супы были жирные и молочных продуктов с избытком. Покупали только соль и спички, сахар, а в постные дни рыбу. Да и не за что было покупать. Денег брать не откуда и негде. До города Томска далеко, 160 километров. Базара не было. Излишки хлеба и продуктов не продашь. Очень редко ездили в город. Наш отец остался служить в Томске в пошивочной, шили для солдат. Мама надумала поехать к папе и купить все необходимое. Стала проситься и я посмотреть город. Мама взяла. Ехали пароходом. В первые дни все впервые, так все нравилось и было немножечко страшновато. Особенно в казарме, где находился папа. Я держалась за мамину юбку. Солдаты видя деревенскую трусиху шутили, пугали, смеялись, довели меня до слез и я тот же час запросилась домой, не давая маме погостить и купить что-либо. Так меня первый раз встретил город.

По приезду домой мама стала часто заставлять меня писать папе письма. А знала только буквы. Невольно приходилось писать под диктовку, вернее учиться самой. Делала много ошибок, но отец понимал на догад и старался еще похвалить. Так я и писала на протяжении всей его службы. Когда закончилась война, вернулись, кто остался живой. Опять деревня ожила. Ожили и мы. Отец прирабатывал. Появился магазинчик. Рядом с нами жила мамина сестра Анна, моя крестная мать. Вот ее муж Осип Антонович и открыл частную лавочку. Для меня большей радости и не было, согласна была ходить каждый день в гости к тете, потому что тетя всегда давала 1 конфету. Это была норма. А когда у нас появлялась монета, заработанная папой, меня посылали за сушками. С какой радостью пили чай с сушками. Дома тоже мама стряпала часто. Питание было хорошее, но я почему-то была тоненькая, стройная как свечка. Легко могла запрыгнуть на любую лошадь прямо с земли. И так мы понемногу зажили, стали одеваться лучше, отбросили лапти, даже считались культурной семьей.

Бывало из Томска приезжал наш священник, т.е. ксендз. Раз в год обязательно. Ставили к нам на квартиру. Мама могла готовить не плохо, считалась чистошотной, несмотря на то, что дети были маленькие. Молеальный дом устраивали, где было большое помещение. Собирались все старые и малые. Молились усердно, становясь на колени на голый пол, отчего болели коленки. Были молитвенники. Обучали родители. Должны были все уметь читать и петь,

изучать закон божий. А кто не знал, того ксендз не венчал и не принимал на исповедь. Мне давалось легко изучать все законы божьи. За это меня 15 летнюю чуть не поставили под венец. Бывало, по приезду священника появляются сваты один за другим. Я сама от них защититься не могла, будучи у нас на квартире ксендз защищал меня. Говорил, что еще молодая и венчать не будет. Я старалась убежать к дяде, тогда мама посылала старшего Сашу за мной и ругали, почему убегаю. Стояла за меня и мама. Говорила, кто будет помогать по хозяйству и водиться с ребяташками, прясть и ткать. Старшую сестру в этот год все же выдали замуж. Ей было 18 лет. Не спрашивали, желает она или нет. Родители подбирали жениха. Вот приехал богатый некий поляк Лекаревич Эдвард Иванович, пожилой, отслужил армию, участник германской войны, побывал в плену. Вот за него и выдали нашу Аню. Она очень не хотела, как чувствовала свою несчастную судьбу. Оказался муж пьяница, псих; все списывал на плен. Жили они на хуторе от нас 17 километров. Часто пьяный дрался с братьями. Они его связывали. Пьяный избивал сестру до полусмерти, выгонял зимой из дому раздетую. Она уходила от него к маме, а он следом за ней. Падал на колени, клялся, уговаривал, чтобы она простила. А она была беременная и прощала его. Он уводил ее и по-прежнему продолжал издеваться. Родился ребенок – сын. Развивался ненормально. Сама Аня стала совсем больная. Получила туберкулез легких и в 22 года скончалась. Наблюдая за судьбой сестры, я замужества боялась как огня. А сваты навещались часто, свои деревенские и приезжали из других деревень. Не представляю, почему было столько поклонников. Может по тому, что родители были на хорошем счету, пользовались авторитетом в округе. Чувствовала и я хорошее отношение от всех. На любой свадьбе или вечеринке я была на первом месте. От чего лестно было. Любила петь, танцевать, за что уважали даже пожилые и мне хотелось петь, творить. Но не долго была благодать.

Глава 5

Шел 1919 год. Свириетствовал сыпной и брюшной тиф. Сыпняк уносил в могилы самых сильных. В деревне знай, выносили гробы из домов, провожая криками, голосили с причетами. Завалилась беда и наш дом. Заболели все. Я болела брюшным тифом, мама и папа сыпняком. Мы с мамой перенесли заболевание, а папа на 11 сутки скончался. Ему было 44 года. А меньшему брату Алеше было 1,5 года. Ох, сколько было слез, как нам его было жалко. Да и все чужие плакали, говорили, что такие люди редко бывают. В то время думали, что мы не сможем без него прожить. Действительно было очень трудно. Имея хозяйство и без хозяина. В то время старшему братишке Саше было 10 годочков. Нужны были мужские руки и хозяйский глаз. Жили одиночно. Надо пахать, сеять, наладить плуг, борону, сбрую на лошадей, телегу, сани, литовку, пилу, топор и прочие. Я старалась браться за все, т.к. была старшая в доме. Доставалось и Саше. Он учился пахать. Пашня от деревни была 3-4 километра. Утром запрягали лошадей, клали, т.е. подымали на телегу плуг. И вечером то же самое. Ибо оставить на поле боялись, украдут. А сила, какая у детей горьких. Мама часто плакала, что надорветесь. Надо на мельницу ездить с мешками возиться, мучались, плакали. Вот однажды вечером у нас появились гости. Соседка, мамина кума и ее родственник, человек пожилой. И вот начали маму сватать, чтобы она приняла к себе в дом мужа. Он был одинок, жена умерла. У него было две дочери, обе замужем. Жил он в другой деревне, недалеко за рекой, километра три. Мама задумалась и сказала, что подумает. Когда они ушли, стали приходить другие кумушки. Говорили что он пьяница, очень тяжелого характера, что свою жену в могилу загнал. Жених зачастил. Умолял, клялся, что все будет хорошо, поможет поднять детей сирот. Мама согласилась, а мне почему-то было очень неприятно, даже страшно. Я согласна была делать всю мужскую работу сама, только не принимать чужого человека в наш дом. Но мама почему-то не боялась что он пьяница и у него трудный характер. Говорила пусть и выпьет, свое вариша пиво и даже самогонку изредка гнала мама. А что касается характера, так можно уладить. Я не смела возражать маме, хотя очень и очень не хотелось.

Так как люди были религиозные, то решили повенчаться. А костел был только в Томске. Вот они на лошадке и поехали венчаться за 180 километров, а церкви не хотели. Так появился у нас новый хозяин. Звали его Иосиф Егорович Лоч. Поглядеть совсем старичок, сутулый, седой, шлепивый, но очень подвижный. Мама выглядела рядом с ним очень молодой. С начала он взялся энергично командовать нами и немного сам помогал, и пить успевал. Мама его не ограничивала, и он этим пользовался. Каждый день был пьяный. И опять все работы легли на нас. Пьяный вел себя плохо, грубил. С похмелья болел, стонал. Папины фотографии сжег. Мама ему не могла угодить. Я старалась быть в стороне, только в работе себя утешала. За это он меня всем нахваливал, что нет больше таких способных девушек. Мне даже противна была его похвала. Хотя я могла сделать всю тяжелую мужскую работу, могла пахать, боронить,

веревки вить, косить, литовку отбить, пилу наточить, пилить, даже приходилось тес пилить долевой пилой. Эта работа была очень тяжелая и сложная. Почему-то мне хотелось все уметь и много работать. От любой работы я усталости не знала. Чем больше сделаю, тем больше испытывала удовольствие.

Наш отчим стал совсем больной, стал жаловаться на желудок. А выпивать не бросал, стал еще более капризный. Прошло 2 года. Настала зима. А зимой почему-то начинали свататься, справлять свадьбы, ибо летом не было времени. Отчим надумал выдать меня за своего свата, его дочери деверя. Я его не знала и он меня тоже. Жили они за 40 километров от нас. Вот они и приехали три человека. Жених и два свата. Сватов подбирали, у кого был язык хорошо подвешен. Жених назвался Зигмунд Викентиевич. С первого взгляда жених был такой. Среднего роста, черты лица правильные, лицо цветущее, волос и брови черные. Вся фигура очень правильная, только рот был приоткрыт часто. Выяснилось, что он недослышал. Одет был в тулуп, валенки, костюм суконный самотканый и рубашка холщовая. Разговаривал быстро, но мало. А сваты, зато старались говорить как можно больше. Жених мне сразу не понравился, но я сказать не смела, т.е. не знала, как поступить. Одно могла сказать, что я замуж не пойду. А причину не могла сказать. Тогда отчим набросился на меня просто со злом. Докуда мы будем перебирать женихов, если за такого не пойти, тогда уж и не знаю. Такой человек, не пьющий, не курит, работающий, характер хороший. Загорелась во мне к отчиму ненависть. Я подумала, что я ему мешаю, лишняя в доме. С обиды дала согласие. Вот посадили нас за стол, выпили привезенную самогонку. По обычаю мама заставила дарить жениху перчатки и сватам полотенца вышитые. Договорились. Через три недели была назначена свадьба. Проводив их домой я загрустила не на шутку. Лишилась сна, слезами мочила подушку. А когда пришла на вечеринку, то, узнав про это мои, т.е. свои деревенские парни окружили окончательно. Один мне нравился, и мы изредка встречались, потому что мама не разрешала. Он был русский и бедный. А я должна была выйти только за католика. Плакала я три дня. А потом мама, заметив мои слезы, решила отказать жениху. Так как не кому было поехать с отказом, то сама запрягла лошадку и поехала, в правду не до места. По пути жила тетя Юля и мой двоюродный брат. Он заменил меня и отказал жениху от моего имени. С каким облегчением я вернулась домой. Сразу же явился мой парень Ваня Кузнецов. Пообещал уплатить все расходы. Но мама даже выгнала его из дома. И в эту же ночь застучали в дверь. Опять же те самые Зигмунд Викентиевич и еще пять человек. Он собрал сватов и тетю Юлию по пути захватил. Когда мама открыла дверь, услышала я знакомые голоса, меня затрясло лихорадочно. Не успели гости согреться, как начались допросы, почему отказали. А я дура по прежнему не могла сказать, что он мне не нравится. Боялась обидеть и отчима, и сватов. Хотелось мне убежать. Но окружили со всех сторон и чуть ли не силой посадили за стол, выпили, закусили. С рассветом отправили меня за 40 километров в село Вороново регистрироваться. Это было в 1925 году, первого января, незабываемый день печали. И неотложно направили нас в Томск, вдвоем венчаться. Как мне было страшно с незнакомым человеком пуститься в пятидневный путь. Дорогой приходилось искать ночлег. Я ложилась в разное место с ним. Боялась его прикосновений даже днем. Приехала в Томск. Покупали цветы, сами напши костел и повенчались. Когда вернулись домой, началась подготовка к свадьбе. Жених уехал домой, а через две недели обоз лошадей с цветами, лентами и колокольчиками остановился у наших ворот. А я за это время извелась, похудела, и все плакала, хотя и тайком. Мама ругала меня за это. Собрались все и с нашей стороны. Родни было много. Сутки свадьба гуляла у нас. Затем пустились к жениху, подводы с народом, с музыкой. Былолюдно. Везде перегораживали дорогу. Тогда останавливались и всех угощали водкой, только тогда пропускали. И так 14 января 1925 года меня со свадебным приданным (большим ящиком холстов и рукоделий, мама постаралась всего наложить) свадебным поездом привезли в маленькую деревушку. Все для меня здесь было незнакомо. Занесено снегом, только крыши видны, да трубы дымящиеся в морозный день. Деревня называлась хутор Посинье. Всего 30 домов. Деревушку окружали редкие рощицы. Березы частыми колками. Еще росли осины, кустарник смородины, верба. Место, выбранное для поселка, было красивое. Земля чернозем, плодородная. Пастбище рядом, для скота раздолье. Один большой недостаток, не было реки, и вода была глубоко, крутили канатом. На всю деревню было три колодца.

Семья жениха встретила очень хорошо. Свадьба длилась еще сутки. Стали собираться к отъезду и мои родные. А я слезами заливалась, что заставила заплакать своих родных. Я не знаю, что со мной было, или мое сердце чувствовало горькую судьбу. Так оставили меня молодую в чужой сторонке, у чужих и незнакомых людей одну. Правда, от меня не отходил молодой муж, и его родные окружили, уговаривали, как только могли. Но я в то время не понимала и не видела, что они относятся ко мне так хорошо. Семья жениха состояла из старой матери Магдалены Яковлевны, его сестра Юзефа Викентиевна с мужем Иосиф А. И

дочурка Миля. Все жили вместе, а питались отдельно, Юзефа со своей семьей. Домик был очень старый, низкий. Крыша набросана тесом, но тес выглядел зеленым, заплесневел. Домик назывался пятистенный. Маленькая кухня, где стоял не крашенный столик, два маленьких оконца. Но зато стояла большая русская печка, где можно было полежать, погреться. Комната была чуть больше, и окошек было четыре, все не крашенные, выскобленные до бела. Только сучки оставались выпуклыми вверх, как кочки. Так же выглядел и пол, не ровным от скобления ножом. В переднем углу стоял не крашенный стол. За столом две скамейки. В углу иконы. Стояли две деревянные кровати и топчан из досок, где спала свекровка. У золовки и у Зигмунда Викентиевича койки, досчатые, белые. Вот эти койки и получили меня молодой. Можете представить дорогой читатель, все спали в одной комнатухе. В ограде была стайчонка для скота и землянка для овец. Была одна корова. И мне в приданное дали корову. Была у них и одна лошадь, и все. В ту пору считали, что жили они очень бедно.

Получилось так. Перед женитьбой Межецкие два брата разорились в 1924 году. Надумали выехать в Латвию. Распродали все, а выехать им не удалось, т.к. без пропуска не могли уехать. Для меня это было не интересно, и я подробности не знаю. Но факт, что они остались. Снова стали обзаводиться хозяйством. Тогда и был куплен этот дряхлый домик и одна лошадка. Второй брат Межецкий Иосиф Викентиевич и его жена Юлия Иосифовна жили отдельно. У них было три дочери – Франя, Юзефа и Анна. У Зигмунда Викентиевича были три сестры – Миля Анна и Юзефа. Миля старшая жила за 10 километров в деревне Воробы. Была замужем. Второй муж Мозговой Алексей. Было пятеро детей. Старший Ваня был от первого мужа, а остальные Мозговые. Анна сестра Зигмунда еще молодой от первого мужа убежала с другим. И скорострительно умерла еще до нашей женитьбы. Я ее и не видела, но по рассказам знала.

И так кончилась моя юная девичья жизнь. Началась супружеская, семейная, полна забот, беспокойная жизнь. С первого дня после свадьбы ко мне относились очень хорошо, и свекровь, и золовка. А муж и высказать не могу. Даже старшая сноха Юлия завидовала и сравнивала, что к ней отношение было плохое. С первого же дня свекровь указала все работы. Вот квашня для хлеба. Вот мука. Вот мясо и т.д. Пришлось мне братья за все. Зато плу печку, замешу квашню теста, подою коров. Иду спрашиваю у свекрови. Мама, что мне варить и что изстряпни готовить. А нее ответ был один, что ты себе хочешь, то и приготовь. И я уходила молча на кухню и готовила то, что умела. И они как мне казалось, были довольны моейстряпней. Управившись с печкой и скотом, бралась за рукоделье. Вязала рукавички, носки, кружева (были очень в моде), даже скатерти на стол вязала из тонких ниток 30 номер, пряла. Вечерами собиралось много девушек и молодухек с работой к нам, и приглашали к себе. Юзефа Викентиевна старалась знакомить меня с соседями и водила на посиделки, только бы я не скучала. Стали ходить ко мне девочки учиться всякому рукоделию, и я учила. Так проходили зима. Настала весна. Надо пахать, сеять, а лошадь одна. Муж стал спариваться с другими, но посеять все же посеял мало. А я все думала, как нам купить еще лошадь. И вообще много чего хотелось завести, поравняться с людьми. Я начала шить по малу себе и людям. Летом пошла на поденщину к людям, жать серпом пшеницу. Пшеница уродилась очень хорошая, даже полегла. Жали не разгибая спины, на часы не смотрели. Да их и не было. Считали световой день от восхода и до заката. Платили мне хорошо – пуд пшеничной муки в день и кормили очень хорошо. Наверное, заметили мою старательную работу. Меня стали приглашать многие, и я безотказно старалась всем угодить. И свой хлебушко надо убрать. В выходной день, т.е. в воскресенье, Магдалена Яковлевна, чтобы я не скучала, приглашала по ягоду, так как она знала все околки, все полянки, где росла смородина, где клубника, земляника. Больше было черной смородины. Собирали, сушили на зиму, на кисель. Сахара было мало, к чаю по маленькому кусочку, а варенья и не знали и никогда не кушали. Так я занятая работой и заботой незаметно привыкла к мужу и к семье. Чувствуя похвалу и уважение я еще больше погружалась в работу. Купили другую лошадь, завели овец, свиней, куриц. Стали засеивать больше хлебов, разные культуры. Убирали все сами, все в ручную. К людям ходить работать времени не оставалось. Через год я должна была стать матерью. Не знала никаких сроков, ни женских консультаций. Работала до последнего дня и часу. А когда пришел час, не опытная и очень верующая, просила поставить за меня свечку, думала, что умру. За что после долго все смеялись. Все обошлось, роды прошли нормально. Только на свекровь обиделась. Она почему-то молилась и приговаривала, дай бог больней да скорей. А я в душе обижалась и думала, ведь родная мама так бы не сказала, а пожалела. Так свекровь, молясь и не прикасаясь, встретила свою внучку. Появилась у нас дочурка, первая радость. А полежать после родов и не приходилось. Надо было ухаживать за скотом и все делать, ибо свекровь ни чего не делала, считая себя больной. Правда у нее была не большая паховая грыжа. Бывало оденется чистенько, любила одеваться хорошо, и

пойдет по соседям и родным погулять, развлекаться и посплетничать. С утра, пока я ухаживала за скотом, она покачает ребенка. Стою только мне раздеться, и она уже одевается и пошла. Приходили и к ней соседки и внуки. Она встречала всех очень приветливо, и угощала тем, что я настряпала. И еще у нее была привычка себе под подушку припрятать коральки. Эта привычка мне очень не нравилась, но я сказать не могла. Она относилась ко мне очень хорошо, как мне казалось. Называла всегда дочушка, миленькая. Она и к другим относилась очень хорошо, и ее все называли бабушкой. Она была не большого роста, подвижная. Фигурка прямая, походка совсем не старческая, ходила быстро, за собой следила, а работу забывала. Все было на мне, а я почему-то ее любила, жалела. Постираю на нее, в баньке вымою, в постели одеялом укрою, на краешке ее койки посижу, поговорим. Она всегда знала все деревенские новости. А я с удовольствием слушала, а потом, сказав доброй ночи я уходила от нее.

Глава 6

Семья Юзефы Викентиевны жили легче нас. Иосиф Антонович занимался сапожным ремеслом. В деревне эта работа ценилась. Зарабатывал не плохо. Имел не большое образование. Мог работать счетоводом. Был очень трудолюбив. Часто ходил собирать грибы и ягоды. Сам топил баню и ухаживал за скотом. Скота было мало – одна корова. Юзефа Викентиевна наоборот на работу не приспособленная. Одевалась очень хорошо, не по-деревенски. Муж сошьет туфельки на высоких каблучках, юбочки носила коротенькие. Сама была среднего роста, очень правильного сложения, фигурка, личико цветущее, короче красавица. По видимому муж ее так любил, что делал все работы сам. А она с дочуркой Милечкой как с куклой играла и с рук не спускала, целовала, миловала. Девочке был третий год. Тоже хорошенькая. Ко мне сразу привязалась. Называла меня крестной, хотя ее крестная другая, а она меня называла крестная мама. Юзефа Викентиевна, как и мать была нежна, приветлива, ласкова на слова. Люди завидовали ей и ее счастью. Жила она счастливо. Они купили себе избу, и ушли от нас, но ходить к нам не перестали. И свекровь зачастила к ним. А я не находила ни минуты свободного времени и тайком злилась на их безделье. И мужу, заметив без работы или с кем-то остановился, не давала покою. Мне казалось, как это без работы терять время. И я в работе находила удовольствие. Может быть потому, что с детства привыкла, а может быть потому, что задалась целью обжиться как люди. А может быть потому, что я открыть не могла ни кому, не любила мужа. Я старалась от него скрыть эту свою беду, и больше отдавалась работе. Муж относился ко мне очень хорошо и был готов везде меня заменить в работе, и быть всегда вместе. Бывало уедет в город, продаст муку и везет только мне без заказа всякие подарки. На платье, пальто без примерки и детям, которых он безумно любил. Сам не съест, а им отдаст.

За его добродушие я себя заставляла его любить, но не могла. Я его ни чем не обижала, ухаживала. В общем, все обязанности жены выполняла безотказно. Я его жалела, и больше он мне казался жалким. Ведь он ни в чем не виноват. Я себя в душе считала виноватой и несчастной. Во всем винила отчима и ни с кем не могла поделиться своим горем. Мирилась, считала это моя такая судьба. Со стороны люди даже нам завидовали. А родная моя мама его считала золотым человеком. И всем хвалила, вот у меня зять. Он ей очень нравился. А до меня доходили и такие слухи, что он мне не пара. Но я знала одно раз вышла замуж, венчанная, значит надо жить и людей не смешить. И все заставляла себя привыкнуть. Много мешали молодые люди с тайным предложением бросить мужа и уехать, сбежать. Писали тайком, вручали письма. Написал и Кузнецов Ваня угрожающее письмо. Писал, молись богу, что я был в отъезде во время твоей свадьбы. Без жертв не обошлось бы, не быть бы тебе замужем. Пиши, приеду, и убежим. Но я и мысли не допускала. Для меня ребенок дороже всего.

Бывали и праздничные дни. Тогда мы запрягали свою Савраску и, не смотря на бездорожье, метель, мороз ни почем. И малышка наша, одеяло, тулупы, валенки, шаль большая. Укутаем и на сено в кошевку усадим. И едем за 40 километров к маме в Верх-Уртамку. А она наскучавшись со слезами встречала, говоря что все глазоньки проглядела в южную сторонку, все ждала вас. Тут появлялись угощения самые лучшие, что есть, и пиво и самогон. А любимый зятюшка пегухом ходит, шутит, неустанно говорит. В честь нашего приезда приглашали и соседей. Александр, уже юноша, играл на балалайке и гармошке. Вот и пошли танцы, как кто умел. Зигмунд Викентиевич совсем не умел танцевать, но участие принимал. Кружил молодых девушек и женщин, даже пожилую Юльку Трубочкину вытаскивал на круг. Та своей длинной и широкой юбкой сметала все. Все смеялись. Она уж была очень не

красивая, даже страшная. Но, а я как по-деревенски танцевала хорошо, легко и ловко, все приглашали. Только муж часто колол глазами, возможно в душе ревновал.

Так дорожку протоптали к маме, хоть зимой, хоть летом. Тянуло туда. Бывало летней порой в выходные дни, комары и пауты ни почем, мы едем туда. Однажды подвезжая к хутору Топки, встретили свадебную процессию. Шли все пешком, потому что расстояние от Топков до Королевки где жил жених было три километра. Все украшены венками из живых цветов, а у невесты цветы были восковые и фата до пят поддерживаемая подругами. Шли весело, кругом зеленая роща, цветы. Играла гармошка, все пели свадебные песни. Нам издали казалось, что встречаем необыкновенное счастье. Подвезжая ближе, узнали своих, знакомых. Даже невестой была двоюродная сестра. А жених, бывший мой ухажор, Андриюша Бокан. Когда мы поравнялись, жених бросил невесту и орлом бросился к нам в ходок. Взял вожжи и развернул нас на зад к себе на свадьбу. Нам не хотелось, мы ехали к маме, ведь она ждала. Всю дорогу Андриюша ехал с нами и глаз не сводил, тяжело вздыхал. Невеста шла одна. На наше приглашение сестра с нами она отказалась. Приехали мы к жениху. Молодых встречали его родители с хлебом и солью, с иконой. Посадили за стол. Жених не долго сидел, оставил невесту и опять стал ухаживать за нами. Что-то не понравилось моему мужу, и он засобирався уезжать. Но жених спрятал сброю, пришлось ее потребовать насильно. Мы уехали. Дорогой мне муж бросил слова – его хотел выбросить из ходка, когда ехали. Я вижу, он к тебе не равнодушен. Меня он обвинить не мог, т.к. повода я ни кому не давала. Позже мы услышали, что Андриюша прожил после свадьбы две недели и бросил свою жену Веру. Их так же женили родители по своему выбору, а не по любви. Казалось, родители не глупые и богатые, а многих так женили и отдавали замуж насильно. И мы были такие покорные и послушные своим родителям.

Вернувшись, домой мы с новыми силами взялись за работу. Надумали себе купить лучший дом, так как мы ждали еще ребенка. Начали копить помаленьку средства. А Магдалена Яковлевна на оборот стала требовать себе наряды. Начала обижаться. Что я хожу у вас как нищенка, хотя это было не правда. Сына изводила. Я старалась быть в стороне и не могла сказать и слова. Однажды поссорившись с сыном, заявила, что уходит к старшему сыну Иосифу Викентиевичу. Не медля, привела понятых, взяла корову, тулуп овчинный и т.д. В общем, поделила все и ушла. Там маленьких детей не было. Были три девочки уже большенькие. А у нас маленькая Анечка и еще ожидали. Вот она и искала где спокойней пожить. Мне было очень обидно. Я ее ни словом, ни делом не обидела. А она ушла.

Мне стало трудней. На уборку хлеба, сенокос брала с собой ребенка. Сделаешь из холста люльку и подвесишь на березе, ветром качает, ребенок спит. В это время стараешься, сколько есть сил, чтобы больше сделать. А летней порой всегда болели дети. Заболела и моя Анечка. Рвота, понос с кровью. Боже мой, что делать? Уборка не ждет. Я стала свекровь умолять, она не отказала. Сама бегом на поля, двадцать снопов льна надергаю и опять бегом домой. Покормлю и посмотрю на большого ребенка и опять бегом на поле. Где лесок, там я ускоряла бег, чтобы люди меньше видели. И так в течение всего дня вся в слезах бегала. Заговаривала всякие травы по совету старушек. А девочка таяла на глазах. Лежала как пластик. Тем временем в деревне даже помирали. Я падала на колени перед образом божьей матери, молилась, просила выздоровления дочурке. После тяжелой болезни она поправилась. Наша милая девочка росла как цветок. Очень красивенькая и умненькая. На щечках всегда румянец как накрашенный. Нам казалось, лучше нет на свете ребенка. Да не нам одним так казалось, завидовали многие. Бывало приедем к тете Юлии в Осиновку, в гости, все не могут налюбоваться на нашего ребенка. Было ей полгода, а она уже хорошо сидела. Скажут ей, Анечка здравствуй, и она поклоном головки отвечает. Там чужой мужчина заходил и говорил, что у него своих восемь детей и чужих много видел, но такого ребенка не видел. По приезду домой опять заболела Анечка. Старушки называли болезнь малоденчик. Болела не долго. Стала бегать и разговаривать в одиннадцать. И говорила чисто, хотя не все слова. Но не картавила. А в возрасте один год уже задавала вопросы, на которые не успевали отвечать. Сколько радости приносит ребенок, и большое горе, когда заболит.

А время шло своим чередом. Шел 1928 год. У нас родился сын. Двойная радость отцу и всем. Межеским была огромная радость. Продолжатель рода и фамилии, т.к. у Межеских не было ни одного мальчика. Не меньше радовалась и я. Не забываемый день, пятница 8 июня 1928 года родился сын. Свекровь приняла и искупала, спеленала и положила на печь. Сами выпили, называется, обмыли и разошлись кто куда. Свекровь тоже ушла домой. Оставили меня одну. Муж ушел размалывать солод т.к. должны были заварить пиво по такому случаю. Не прошло и трех часов после родов как свиньи, открыв двери, все залезли на кухню и все перепачкали. Ребенок на печке плачет. Пришлось вставать и со всем справляться. Свиней выгнала. Взяла ребенка, распеленала, а он кровью исходит. Плохо завязала старушка пуповину.

В тот же день я должна была заварить пиво. И начала я делать все работы. Потому, что в ближайшее воскресенье по деревенским обычаям, придут, чуть ли не все женщины поздравлять. Называли проведки. Идут, несут стряпню разную, яичницу, кисели, кто что может. А роженица должна приготовить выпивку. Вот и начали приготавливать пиво. Оно у нас поспевало на третий день. Вот на третий день и должно быть у нас все готово. А тут не на третий, а на второй, получается, выпадает воскресенье. В субботу приехала золовка Миля Викентьевна с мужем и моя сестра с мужем. А в воскресенье пришли тридцать женщин и тоже идут мужчины. Вот мне и пришлось вместо отдыха встречать и угощать гостей, все время на ногах. А проводить я уже не смогла, повяла как георгин в сильную жару. Легла, щеки горели, живот болел. Не могла дожидаться, чтобы поскорей все ушли и поразъехались гости. А тут еще ребенок плачет, и большенькая и малыш. А я себе места не находила. На утро в понедельник пришла свекровь и привела еще бабушку Пиманиху, лекарку. Начали мне живот давить. Истопили баню. Повели меня под руки в баню. Там меня заставляли все делать. С полки вниз головой спускаться, трясли, давили живот. Потом нагрели камни до красна, положили в ведро и сажали меня, сверху закрыв одеялом. Пропаривали, подливая воды, чтоб жарче было. Домой я сама уже не могла прийти. Пригласили мужа и меня отнесли домой. Так я улеглась на деревянную твердую койку, на досках был соломенный матрац, на долгих семь недель. Спина была вся в пролежнях. Стояли жаркие июльские дни. Настал сенокос. Мужу надо косить сено. Покос купили за деревней. Что делать, ведь мне еще нужен уход и малышам. А свекровь не стала ходить, заболела. Тогда муж поехал в Осиновку, к тете Юлии и она отпустила свою старшую девочку к нам, на время поухаживать. Лежала я как прикованная, не могла повернуться ни на один бок. Страшная боль в области живота и остальное все болело. Поднесут ребенка кормить, а я не повернусь. Тогда его сверху над грудью подержат, и он пососет немного. И ребенок полуголодный, и нянька не опытная, еще девочка и муж на сенокосе. Вечером придет, и кереложат меня с места на другое на ту же койку. Муж брал за плечи, а сестренка за ноги.

Заболел и мой маленький любимчик. У него появился на грудке, на левом сосочке нарыв. Я думала, что сильно близко к сердечку, и он может умереть. И Анечка пошла по деревне беспризорная, у соседей под окнами просила хлеба. Это все мне сообщали приходящие соседки. А я задыхалась от слез, от материнской жалости. А болезнь меня еще больше сковывала. Живот весь распух, ноги отеки. А бабушка Пименова и не заглядывала, лекарка моя. Ходить за мной всем было некогда, сенокос. Старушки приходили и шепотом разговаривали, а я все слышала. Мол, долго она не проживет, лицо уже воскового цвета. Бедная, да и детей жалко. А мне тогда к горлу ком подкатывал, и я задыхалась от обиды. Муж каждый вечер не мог приезжать, и мне приходилось лежать на передвинутой на свежее место. Начало июля, стояла жара. Скошенки не открывались. Душно, пахло прелостью. Прело и мое тело без бани. Скот, хотя и был за пастухом, но утром и вечером требовал ухода, особенно свиньи. За скотом и за мной ухаживала сестренка. Бывало в свободное время иногда и заигрывалась на улице с девочками. За такое продолжительное время болезни я, наверное, всем надоела. Неутолимая жажда пить, писк ребенка, который лежал рядом щемил мое сердце. Я уже сама себя считала живым трупом. Вот приехал домой муж на ночь. Берет ребенка, кладет в зыбочку. А сам приляжет рядом, хоть поговорить, и тут же усталый засыпает. В одну ночь мне снится сон. Мы с мужем строим новый дом. По деревенским признакам это гроб, к смерти. Проснувшись я в страхе. Разбудила мужа и мне стало совсем плохо. Опухоль подходила совсем уже под ложечку. Разбудила его, рассказала все про сон, а он тоже суеверный, верил снам. Подхватил он малышкой сонных, и зашагал с ними по комнате рыдая в полный голос, с причитаниями, как женщина. Милые детки, что мы будем делать без мамочки. А мне от таких слов стало еще трудней. Он, заметив это, бросился ко мне, не зная, что делать. Стал поднимать, целовать, водою обливать, кричать, что делать. Только тогда сообразил. Утром вместо сенокоса запряг лошадь, взял сало, масло и поехал к частному врачу за 40 километров. К вечеру появился у нас врач. Пожилой Никита Семенович, как врач славился. Подошел ко мне, осмотрел и отругал всех, что затянули и допустили до могилы. Внимательно осмотрел. Из чемоданчика вынул много лекарств разных. Объяснил, как их использовать и уехал. Остался и муж на денек дома, принялся меня лечить. Шли дни. Болезнь лечению поддавалась трудно. И все же на восьмой неделе я стала уже сидеть и спускаться на пол. Училась ползать. Так хотелось к воздуху, где была разбита пинючка у окна. Я подползала к ней и жадно хватала свежий воздух. Ходить я не могла, не могла распрямиться, не было сил, стянуло мой живот. Я думала, что осталась инвалидом. Завидовала прохожим людям, какие они счастливые. Много молилась. Радио не было, света не было, книг не было, часов не было. На девятой неделе я встала и хоть в согнутом виде начала учиться ходить. Принялась за работу, так как сестренку давно уже забрали от нас. Пришлось нам нанять нянечку. В няньки взяли у старшей снохи Юлии девочку семи лет. Всех грузили на телегу и

ездили на уборку хлеба. Однажды жали пшеницу. Нянечка и Апечка оставались у телги, а Осинька в зыбочке висел на березе. Девочки собирали ягоду костянику. Вдруг закричала нянечка, что Анечки нет. Мы все бросились на поиски, стали звать ее, но ребенка нигде не было. Места лесные и колки густые, заросли. Полдня искали, с ног сбившись. Бегали, кричали, а ребенка нет. Были случаи, что дети и даже взрослые блудили и терялись в лесу. Я плакала, как никогда, все звала ее. Муж и няня устали и сели на телегу, а я все ходила. И вот в одном колке заметила, что куст смородины шевелится. Подошла, а Анечка сидит и собирает ягоду. Говорит, мама, ягодки, ягодки. Тогда ей было два годика и три месяца. Я подхватила ее, принесла к телеге, уложила спать. Самы обрадованные взялись за упущенную работу с двойной силой. Так бывало и дома. Анечка была озорница. Чуть проглядел, а ее уж нет. То под ворота пролезет и убежит к Марусе Салостей, что напротив жила. То совсем исчезнет, с собаками не найдешь. Однажды я ее искала долго, нет ребенка. А напротив нас на улице был колодец и ни чем не закрыт. Из колодца часто воду брали все, и никто не закрывал. И он всегда меня пугал при исчезновении ребенка. А за огородами было большое болото, которое называли мочула. С края болота была выкопана широкая яма, в которой замачивали лен, треску и коноплю. Мочили две недели, чтобы треска соломка подопрела. Тогда вытаскивали, расстилали на чисто выкошенной поляне. Через некоторое время поднимали граблями и связывали в снопы. Сушили в бане, а затем мяли на деревянных мялках. Вытрясали костру, трепали трепачками и получали волокно. Чистое волокно чесали на чесалках из острых гвоздей набитых на доске. От таких работ платили страшную пыль, что откашливалось черной смолой. Вот это мочуло и служило для купания наших детей и водопоем для скота. А так же для полива и полоскания белья. В тоже время была угрозой для малышей. Ребенок всегда мог утонуть. Так были дни когда не найдя ребенка, бросались к колодцу и к мочулу. Однажды после длительного поиска я устала и опустилась на крышечку. Посмотрев в огород, я заметила, что там шевелится картофельная ботва. Я туда, а Анечка сидит на земле и собирает картофельные желуди в подол платишка. На мой крик и не думает отзываться. Так прошли лето и осень. Копали картошку, молотили хлеба, мяли и трепали лен. Зимой всю зиму пряли, а под весну ткали при керосиновой лампе. Весной белили суровые холста, мочили в болото и расстилали на травку, на солнце. Солнце своими лучами отбеливало. А сырость гноила нашу трудную работу. За такой адской работой не было времени за своими детьми доглядеть. Надо было, и пошить из этого грубого холста всю одежду. Как говорят с ног до головы. Купить шитое мы не могли потому, что не продавалось. В деревне не было даже маленького магазинчика. Правда, в Базое, за 9 километров было сельпо, где продавали необходимое. Соль, спички, керосин и прочие мелочи. Иногда папашкам продавали понемногу мануфактуры, лянющий ситчик. Больше всего поездок в магазин приходилось на зимний период. Изредка добирались до города Новосибирска, до которого было 120 километров. Если продашь мясо или муку, то, что ни будь и купишь на толкучке или в комиссионном магазине. На моду не смотрели. Только чтобы одеться. Или купишь несколько аршин ситцу. Какая расцветка не смотрели, только бы купить. Шить, я шила все сама и еще людям прихватывала, девушкам платья. А своей Анечке я не знала, как и отделать платье. Рюпки разные, кружева обошью кругом. Другие девочки даже завидовали Анечке и говорили, что она как городская ходит.

А Осинька наш рос очень спокойным ребенком и не мешал мне в работе. Сунет два пальчика в рот и сосет. Стал ползать по полу. Смотрю, его нет. А он заполз под стол и спит, уж тогда скорей беру его и на койку. Спал по долгу, проснется, улыбается. Покормлю и опять на пол. А когда поменьше был, то у стоечки сидел или стоял. Анечка игрушку даст ему в руки, и он играет. А пальчики все же сососет и опять играет до сна.

В эту же зиму 1928 года пришла к нам девушка Фрося. Стала она проситься на квартиру, пожить немного. Фрося приехала к маме. Та, овдовев, вышла замуж за Казарина Ивана, который жил без малого напротив нас. У него было много детей. Все они жили отдельно. С ним остался только младший сын Алеппа. Вот Фросина мать и вышла за Казарина. Фрося красивая, гордая девушка богатых родителей приехала к матери. Немного пожила у нее и пришла к нам со слезами на глазах. А мы всех жалели. Не догадались о ее беде. Приняли как свою родную, а она оказалась беременной. Спуталась с пасынком матери и нажила беду. Он страшный, черный как цыган, отказался от нее и проводил из дома. Фрося очень плакала. И мать ее приходила, тоже плакала, и все скрывали от нас. Но долго этого скрыть было нельзя. У нее родилась дочь. В нашем домике семья прибыла. Фрося начала судиться с подлецом, ездила хлопотала, а я водилась с ребенком и кормила его грудью. Потом ездила в церковь и крестила ее. Девочку назвали Валею. Присудили ему платить. Деньги он давал, а на ребенка и смотреть не хотел. Так у нас прибавилась семья, а мы с мужем ждали еще третьего ребенка. Мечта нас не оставляла купить дом побольше. Подкопили немного средств. Купили в Базое не новый дом,

Взяли новую усадьбу в конце деревни. Перевезли дом, Собрали помощь. Подрубили два венца, которые были гнилые отбросили. Сами мы с мужем натаскали мох из холодного болота и сложили себе новый дом при помощи соседей. А старый дом продали Фросе по дешевке. В эту же осень мы с мужем ходили по колкам и подбирали бревна для стайки и бани. Напилили лес и вывезли. Муж сам срубил к зиме баню.

Поздней осенью мы перебрались в свой новый дом, все перетаскали. Поставили железную печь и обогрелись. Бывало, стану купать ребятишек, а они замерзают. Дом не штукатуренный, холодный. Один раз накупала Осиньку, укрутила в одеяло и стала купать Анечку. Намышила, вынула из ванны, а она к печке греться. Ну и ягодницей так и прилипла к железянке. Сколькo было слез у дочери и у матери. Одеть ребенка нельзя, платище прилипает, а голой не удобно и холодно. В течение месяца мучались, не знали чем только мазать. А тут работ не перевернуть. Надо русскую печь ложить, надо яму под полом под картошку. Вот мы по ночам и работали. Я копала под полом глину, а он кувалдой бил. Сами делали печь из глины, которой нужно было много. Выкопала и вытаскала глубокую яму, выше своего роста. Трудно было. Ходила я последний месяц. На трубу мы набрали старого кирпича и выложили прямую трубу без единого поворота. Получилась удачная печь, мастера делали молодые. Хлеб пекла очень хорошо. Дом был пятистенный, большой. Комната большая, Четыре окна со ставнями. Большая кухня с тремя окнами. Кладовая и сени тесовые. Амбар, баня, скотный двор и землянка для овец. Все построили своими руками.

1 января 1930 года родилась у нас еще одна дочь. Другой радости у нас не было, и мы не знали. Девочку назвали Толя. Росла здоровенькая, на диво спокойная. В январские ночи не просыпалась, а утром проснется, молчком копается. Покормлю, искупаю и она опять спит. В это время Анечка уже качала зыбку во всю, стала своя нянька. Теперь я могла работать и работать. Так трудились до большой усталости. Отдых у меня был так это взять ребенка на полчаса на руки, чтобы спина отдохнула, и заменить пеленки, покормить. И снова приступала к работе. Ждал скот, ждала и стряпня, и рукоделние разное. А летом огород и поливка, и прополка, окучивание. Огород большой, хоть не выходи, работы хватало. Почему-то сорняков было очень много, особенно мокрица расстилалась зеленым ковром.

За нами рядом еще поселились. Приехала, из какой то Растопинки вдова Настя Сулимова. У нее было два сына – Шурка и Женька. А на против, поселились Селезневы. Тоже приезжие из России. Семья Селезнева Федора Игнатьевича была из пяти человек. Жена Афонасия Арсентиевна, дочурки Надя и Зина, и сын Шура. Они были одних лет с нами, семья хорошая. Они часто ходили к нам за всем. И хлеб стряпали у нас, т.к. у них еще печки не было. Жили они очень дружно и с другими соседями ладили. Но соседка Сулимова была не совсем хорошая. Работать она не любила. Способна на сплетни. Мальчишек воспитывала плохо. Шура был бы еще ничего, а младший, Женя из рук вон, оторви голова. Пришлось, и потерпеть моим ребятишкам. Когда меня не было дома, бывало, разобьет шибку окна и набросает туда всякую гадость. А то детей набьет. Вывешивала я крынки для молока сушить на колья, так он все разобьет. Или возьмет топор и не заметно подрубит все прутья у городьбы в огороде, которыми та перевязана. Женя был старше моих и занимался тем, что хулиганил. А его мать только посмеивалась. Она и погуливала пока не нашла себе молодого парня Саньку Артемьева. Он был моложе ее и еще парень. А она черная, корявая, носастая, даже страшная. Под носом у нее всегда висела капля. Они поженились, но жили очень плохо. Женька часто уходил из дома, бездомничал. Таскал у нас даже яйца из гнезд у курей. А сказать мы не смели, а то совсем жизни не будет. Женька пошел в школу, но ходил не долго, был исключен из школы за поведение и читал очень плохо.

Шли годы коллективизации. Началось разорение, раскулачивание. Забирали скот, хлеб, даже одежду. Ссыла кулаков в Нарым, на Галку. Шли обозы с людьми через наш поселок. Но мы к кулакам не относились, нас писали середняками. Объединились в группы бедняки, назывались активисты. Занимались грабежами. Пострадали многие невинные люди не похожие на кулаков. Организовывались колхозы. Первым организовался колхоз в Базое, а затем и у нас. Началась колхозная жизнь. У нас в то время было уже четверо детей. В 1931 году родился у нас Ванечка. Хватало работы и заботы. По закону божьему еще надо было крестить Ванечку. А наци родители в церкви не разрешали, должны были крестить только в костеле, в городе Томске за 160 километров. Иногда приезжал ксендз в деревню, тогда уж всех венчает и крестит. Аню и Осю удалось окрестить дома. У Анечки крестным был Сидор Антонович, крестной Юзефа Викентиевна. У Оси крестным был брат мужа Иосиф Викентиевич, а крестной моя сестренка Теклечка. А Тонечку возили в Томск, летом пароходом. Пароходы ходили редко. Не было ни какого расписания. На пристани не было даже крыши над головой. Голые кусты. Сами делали шалаши из веток, рвали траву для постели и три дня кормили

комаров с ребенком. За три дня народа накапливалась уйма. Берег был плохой, вместо трапа выбросили длинную, гибкую доску и я с сумками и ребенком чуть не полетела в воду. К счастью мужчина поддержал. Ездили с нами и еще наши деревенские и старшая сноха Юля. У Юли тоже через несколько лет родился сын. Назвали Антошка, и она возила его крестить. Тонечку мою крестили Жибенко Бонифаший и Тафиля. А я крестила двух девочек сразу. А другим и по одному крестнику не досталось. Очень много крестников было у меня. Водила я их и в церковь и в костел. Просили меня быть крестной. Говорили, что хотят, чтобы ребенок был похож на крестную мать. Верили, что передается от крестных родителей. Так у меня завелось кумов и кумушек очень много. По имени не называли, все кума да кум, так было принято. А дети называли меня крестная мама. А на пасху шли все за подарками, главное за крашеными яйцами. Был у меня крестник Салостей Антоша. Так я ему вместо крашеного яйца предложила жеребенка, который у нас недавно родился. Но Антоша не согласился. Сказал, что не за жеребенком шел. Поэтому приходилось варить и красить много яиц, хорошо, что куры были свои. Яйца и для взрослых были забавой на пасхе. Бойцевались, катали, выигрывали и проигрывали.

Шли обычные будничные дни, занятые в работе. Ребятишки росли здоровенькие. Тонечка рано стала ходить и говорить очень спокойная, ласковая, цветущая как розочка. К нам все заезжали проезжие на ночлег. Мы ни кому не могли отказать. За ночлег денег ни когда не брали. И всегда кормили и чаем поили. Муж, бывало, говорил, что дай бог давать, а не просить. Вот как-то осенью шла из ссылки женщина с двумя детьми. Заночевала у нас. А Тонечка и к ней приласкалась. Утром мне эта женщина и говорит, что идет, и сама не знает, где пристанет. А как говорит, полюбила твою девочку. Если бы ты отдала ее, то я взяла бы ее с собой. Как она мила. После этого Тонечка моя заболела и на одиннадцатый день скончалась. Страшную болезнь занесли всякие приезжие – оспу. Эту болезнь я никогда еще до этого не видела. А сколько я пролила слез и перенесла сердечной боли, слушая ее ласковые словечки. Мамочка, боля, мамочка боля. Тысяча болячек сковала ее тельце и личико. Все опухло, глазки закрылись. Муж плакал как ребенок. В болезни дочери винили мы сами себя и нашу глушь. Ни всем была привита вакцина против оспы. Да и я редко дома находилась летом, все на полях. Ванечке было три месяца когда, заболела девочка. Муж запряг лошадь. И за 15 километров в больницу повезли его прививать оспу. Ванечка тоже разом заболел, но болячки были редкие, и он остался жив. От нас оспа пошла по всей деревне. Разукрашивала лица, умирали, оставались в живых. Женька хулиган остался корявым. А у нашей Юли Антоша остался корявый и глухонемой, какое было у них горе. Единственный мальчик и несчастный. Бывало, деревенские мальчишки дразнят его, а он злится и психует. А мать слезами заливается. У них три девочки были, хорошие. Они часто ходили к нам и очень мне нравились. Особенно Франия и моя нянечка Юзефа. Аня была более замкнутая. Придет глаза опустит и стоит. Начну угощать, а она за стол не садится. Ей в руки, что ни будь, хоть каралечку, силой сунешь. А когда она подросла, стала смелая и боевая девушка. Так и в колхозе работали мы честно. Муж сел на жнейку самосброску. Я бросала малышей с Анечкой. Трудно ей бедненькой доставалось. В пять лет стала помогать в уборке и водилась с ребятишками. А я в самой силе, как всегда вырабатывала помногу на разных работах. Работали все дружно. Получали на трудодни хорошо. Колхоз наш назывался «Буденный», прославился по району. А у нас еще родился сын Петя. Толстячок, пятый. Анечка пошла в школу. Садилов и яслей не было. А на работу все равно посылали. Подбирали работу грудным матерям поближе к деревне. И вот как Анечка придет со школы, так я должна бежать на работу. Жать, вязать за жнейкой. И так утром встаю замешиваю квашню, затапливаю печь, дою коров, которые, размесив двор, стояли в грязи. А я босиком, чтобы обувь не пачкать, лезу в навозную грязь и отправляю скот пастуху. Бегом в избу хватаю ведра и бегом за водой. Колодец был через пять дворов. Тут уже и квашня поднялась, печка во всю горит. Начиная стряпать лепешки, мягкие со сметаной, чтобы мужа скорей на работу отправить. Встают и ребятишки, все хотят кушать. Поставлю им на стол крынку молока и лепешки, а сама бегу в амбар. В амбаре стоял большой ларь с перегородкой, где хранились мука и крупа. Подденешь муки и крупы и сало подхватишь, которое хранилось в муке. Скорей надо ставить чугуны, обед варить. Выкатываешь булки, садишь в печь. После этого только берешь ребенка на руки. Сидишь за стол, чтобы одновременно самой поесть и ребенок грудь пососал «покормить ребенка». Ибо надо смотреть чугуны, хлеб чтоб не сгорел. Надо приготовить крынки с простоквашей, чтобы поставить отогреть творог, стопить молоко, сварить для ребенка кашу. Вытащить булки, переменить крынки и в печь поставить. Нагреть воды, искупать ребенка: Убрал со стола, бегом в мочуло пеленки полоскать. А Осиньку научила вязки вязать из осокни, которая руки резала до крови. Пока я управляюсь, он должен был накрутить вязок, чтобы мне хватило на день, с обеда и до вечера. Стоило только Анечке ступить на порог, я беру вязки и на поле. С готовыми

вязками, я могла за полдня, связать норму снопов, вечером бригадир считает. Так ежедневно мой сын Осинька крутил вязки, научился ловко. Соседки завидовали детской способности. А он беденький недавно бросил сосать свои два пальчика, которые еще были тоньше других. Возможно, он сосал бы еще, но мой брат его отучил. Как-то мама моя увезла его к себе погостить. Вот с ним там и шутили. Намазывали пальцы дегтем или горчицей. А он оботрет, спрячется и пососет их. Обували на него лапти и водили в сваты, к девушке Лене. А он смельчак, залезет в лаптях на лавку у невесты и просит Лену, чтобы собиралась за него замуж. Александр больше над ним шутил, но и Осинька над ними шутил своеобразно. Когда все вышли из дома, он им поджег кудель. А сам стоит в сторонке и сосет пальчики. Хорошо во время подоспели, и пожара не было. Во второй раз закрыл в комнате двери на крючок, где стояли кросна, станок. Когда бабушка застучала в дверь, он отвечал, погоди бабушка, я отрежу. И отрезал ножницами не дотканый холст. Баловали его и медом кормили, а пашьчики сосать отучили. Так он рос непоседой. Все что ни будь, да делал бы. Страшно он любил машины, которые стояли на ремонте возле кузницы. Все лазил по ним. Вымажется, придет домой, за что ему и попадало. Потом пошел в школу, мой помощник. Учился не плохо, а Аня отлично. И дома все делала и водилась с меньшими. Ванечка рос здоровый. Очель приветливый. Долго картавил. Бывало зайдет кто-либо, он скорей табуретку даст. Даже оставался за няньку и вязки вязал.

Петюша с первых дней своей жизни был очень не спокойный, много кричал. Проснется и орет. Накормлю вволю, молока грудного хватало. Рос не по дням, а по часам. В месяц прибавлял по четыре фунта, а все рот не закрывал. Водили мы его и в больницу, в Чилино. Там осмотрели и сказали, что ребенок совершенно здоров, не перекармливайте, меньше будет кричать. После чего мы перестроились. Ребенок стал спокойнее, лучше спал. Рос здоровенький, ашкетит у него был хороший, был полнее других. Отличался и характером, был грубей и не покорней. Остальные были мне так покорны и послушны, что если скажу слово нельзя, то они знали это закон. В миг перестраивались. Или бывало, что ни будь по детской шалости натворят, подсыплю ремешка, и тот же час скажу, чтоб пожалели маму и поцеловали. И они забывали мое наказание. Обнимали за шею, целовали. А Петюша только на зад попытится и шпонет в мою сторону. За это ему еще попадало. Он был очень сообразительный, с хорошей памятью. В доме, что где лежало, он все знал. И играя на улице с ребятами он мог уловить все разговоры взрослых. Вернувшись домой все расскажет. В пять лет мог читать. А когда пошел в школу был лучшим учеником, получал премии. Учительница Дашкила Антоина Е. Приглашала его в четвертый класс, чтобы он поучил, как надо читать. Аня не снижала оценки, училась только на отлично. Ося и Ваня учились хорошо, но проскальзывали и троечки. У меня уже не было грудного ребенка, и на разные работы посылали дальше от деревни, в стахановскую группу. Косили группами на соревнование. Среди мужчин мне привычной и выносливой было не страшно. В жару не потела и в отдыхе не нуждалась. От мужчин не отставала, а даже пятки подрезала. Они вспотеют, нитки сухой нет, а я сухая. Они говорили, что у меня литовка хорошая. Брала мою, но результат получался тот же. Выкашивали мы по две нормы. Литовка с рук не сходила по месяцу. Пока накосишь на силос, потом на сено. Тогда кто слабей, и женщины огребали, а мне каждый год приходилось быть стогоправом. Два мужика вилами забрасывали сено на стог, по пол копны за раз. Я должна разровнять сено и уложить ровно, чтобы ямы не образовались. А то дождь зальет и погнет сено. Не боялась я и высоты и покачивания макушки стога. Бывало, в самую жару люди в тенечке отдыхают, а мы в обед самое сухое сено стараемся уложить. По рыхлому селу лезешь как на гору, босиком, ноги поцарапанные до крови. Платья снашивались как на огне. А мы старались выполнить две нормы. Мою работу оценивали зимой. Стога стояли, не заваливаясь, без ям и сено не погнило. Поэтому ежегодно просили меня стога метать, и я много раз была фотографирована на стогу. Муж работал тоже на разных работах. Пахал, сеял и жал на самосброске. На лошадах, которые были прикреплены, возил разное. Отгружал зерно от молотилки и отвозил в заготзерно. Зимой он работал конюхом. А мы женщины зимой лазили по глубокому снегу и заготавливали дрова, кряжи для колхоза и трактора который впервые появился у нас в селе. Ребяташки по первости боялись его и старушки крестились, обзывая не чистой силой. Вот эта нечистая сила на дровах и работала. А мы с ранней весны день в день начинали пилить чурочки для трактора, длиной со спичечную коробку и кололи мелко. Был ящик, которым измерялась эта чурочка для начисления трудодня. Подбирали напарницу, которая носильнее, хорошо пилит. Чтобы выполнить до двух норм.

Подтаял снег, появились проталины. Идем заготавливать на зиму дрова, чтобы за лето просохли сложенные в поленицах. Только подсохнет, идем на очистку полей и сенокосов от соломы и сучков. Собираем, сжигаем. Работаем на очистке семян, переборке картофеля.

Стрижка овец, все вручную. На стрижке овец мне тоже удавалось отлгчиться. Тут подошла и прополка. Поля были сильно засорены, и мы не разгибая спиц пололи пока не наступал сенокос.

Сенокос отошел, начиналась жатва хлеба. И лен дергать, молотить, расстилать. Осенью молотьба. С других работ, выполнив норму можно было и уйти, пораньше домой, управиться со скотом, приготовить ужин. А с молотьбы не уйдешь. Молотили, прихватывая ночи. Приходя, домой находила своих малышей крепко спящими и дверь на крючке. Приходилось выставлять окно. Берешь ведро и скорей донть корову, поить телят и свиней. В это время скота стало меньше. Законом разрешалось держать одну корову, подростка, свинью с приплодом и пять овец

Шел 1936 год. Мне исполнилось тридцать лет. Народился у нас еще сын, шестой. Родился 28 июня. Да и другие дети у меня рождались в апреле и июне. Самая работа в наклон в огороде. Посадка, прополка, поливка и в колхозе. Бригадир подбирал ближайшие работы, декретного отпуска не знали. И вообще ни кому, ни каких отпусков не было. Этой весной я сильно опять заболела по-женски. Страшно болела спина, но веры не было. Справку кто даст, плачешь, а идешь на работу. Меня знали как хорошую работницу, была выбрана звеньевой по выращиванию льна долгунца. Зимой еще начинали собирать куринный помет и золу. Запрягу лошадь и по деревне с мешками. И мальчишки с собой на помощь. Загльимся и лица не видно. Весной подбирала массив, где сеять лен. Проверяла пахоту, боронование, рассеивала золу, семя льна. На мое счастье лен ежегодно родился хороший. Льном засевали от 20 до 30 гектар, так как наш колхоз имени Буденного был не большой и не много рабочих рук. Работу на льне считали несколько легче и поэтому мне, как рабочую силу, давали старых и малых. Особенно в летние каникулы я должна была использовать школьников. Как могла так и уговаривала, но мне это как то удавалось. Правда своих детей я брала в первую очередь. Аня, Ося и Ваня могли ловко дергать лен, обмолачивать и стелить его. Конечно, приходилось самой вперед идти и за собой тянуть эту мешозгу. Ходила по деревне под окнами, просила их выйти на помощь. Они отвечали, что разве тебе можно отказать. Ребятишек зазывала конфетами. За сетку выделанного льна три-четыре конфетки. Правлением колхоза это разрешалось. Из ребят создавала комиссии по учету. Так мои малыши работали с утра и до вечера все потные и грязные. Некоторые вырабатывали больше нормы взрослого. Приезжало начальство из района. Смотрели, детей премировали. Удивлялись, что дети так работают и как их можно заставить. В других колхозах дети так не работали. Многие говорили, как ей хватает терпения возиться с детьми. Бывало, дети и меж собой подерутся, нужно во время вмешаться. И вот пока им в школу идти мы лен и выдержаем, и обмологим. Расстелить не успевали, старушки заканчивали. За лен ежегодно получали премию от района и от колхоза. В хорошую погоду меня просили поработать стогоправом. А если началась жатва хлебов, серп из рук не выходил месяц. Вязка снопов за жнейкой. Выжать серпом ржи в гектарах мне удавалось больше других женщин. За рожь тоже платили зерном. Премияльные за перевыполнение дневных норм. А для меня зерно и хлеб были дороже всего. Одновременно нужно было по своему хозяйству все успеть. Огород был большой 60 соток. Посадить, прополоть, окучить, убрать. А выходных и отпусков не давали. Как сумеешь, в сильный дождь, вечерами и ночами. Мне не было ни одной свободной минуты, рвало, мотало. Детям давала задания, сколько прополоть и сколько окучить. И они безоговорочно выполняли, старались побыстрее, чтобы выкровать минутку поиграть на улице с другими ребятишками. А Женька нет, нет, да и обидит. Раз прихожу домой в дождливую, грозовую погоду. Нашла своих малышей под крыльцом в слезах. Они встретили меня и пожаловались на Женьку Сулимова, что он бросался палками, и Алечку обозвал воровкой, якобы она украла книгу. Анечка заливалась слезами, клялась и божилась, что не брала. И лучше мне мама умереть, чем меня будут обзывать воровкой. И сидя под крыльцом, Ося и Ваня заявляли, как боялись молний и грома, и все молили бога. Говорили: Христос воскрес, Христос воскрес, помилуй нас. И гром перестал. Не легко было слушать такие жалобы и без слез не обходилось.

Шестой мой малыш подрастал. Славик до шести месяцев мало болел. Правда, однажды заболели все сразу один за другим. Заболели корью. Переболели все, болезнь следов не оставила. Спустя несколько месяцев снова заболел мой малыш Стасинька. Мой спокойный смышленый. Все понимал, узнавал, различал чужых, самостоятельно сидел. И вдруг внезапно судороги. Бывало, возьму на руки кормить грудью, и с ним начинается припадок. Бывало, груди искусает до крови. Тогда кладу на койку и держу. Очень жалко и страшно смотреть на такие муки. Дергает, колотит, дыхание прекращается, пена из ротика. И так несколько минут. Потом задышит, захрипит и, кажется спит. И так двенадцать раз в сутки стало дергать. Мы приглашали бабок всяких, а ребенку не легчало. Возили в Чилино в больницу, не помогало. Старушки говорили это на смерть. Но ребенок не умирал, а мучился. Я все больше кручиннилась, по ночам

не спала совсем. Горела коптишка всю ночь. Перед глазами, даже закрытыми, все видела одни и те же муки. Заранее стала бояться кормить. Как кормить так дрожь пробирает мое тело, ведь мог откусить соски совсем, когда был без сознания. Возили мы его, к какому то знахарю православному Ивану Романовичу, но и он не помог. Так с января 1937 года и до весны совсем дошел ребенок, да и я сама. Приходили старушки, и все новое советовали лечение. А мы дошли до того, что я заболела сама. Ведро воды не могла поднять, ветром качало. Тогда привезла я свою маму. Стала она водиться с детьми и с хозяйством управляться, а меня отправили в больницу в Чилино. Там я неделю кое-как пролежала, и мне дали направление в Томск. Вместо Томска я вернулась домой и продолжала смотреть на больного ребенка. По совету бабки Секлепиной натопили баню, заварили какие-то травы и парили. Вот он в бане и умер. Я закричала. Мама меня отогнала, схватила ребенка, занесла в дом. И ребенок опять стал дышать. Что мы только не делали без медицинской помощи. Потом ребенок незаметно яковы стал поправляться. Судороги стали реже, стал лучше кушать, лежит улыбается. Но потерял самообладание, не стал понимать присутствия человека, смотрел бесцельно. В ручки ни чего не брал, полное безсознание. Лежит, головкой только крутит. Тут мне прибавилось двойное горе, материнская жалость и страх, что ребенок останется инвалидом глупеньким. День и ночь не просыхали слезы у нас с мужем. Я совсем заболела, и меня одну отправили пароходом в Томск. Ходить сил совсем не было, в городе мало бывала, все не знакомо. Но нашла больницу и рентген прошла через три дня. Выписали много рецептов. Признали, что плохо с сердцем и заболевание легких. А по рецептам не могла все достать. По приезду домой, мама мне готовила свои лекарства, алоэ, мед, свиной жир и многое другое. Летом стали мы помаленьку поправляться, как я так и сынишка Славик. Судороги прекратились совсем, но следы оставались. Глазки стали косые, особенно правый. Смотря на него, тяжело вздыхали. В сознание он приходил медленно. Мы ему всегда старались создать покой и не расстраивать и работой не загружать. Когда он подрос, то был очень спокойный и покорный. Как-то один раз, уходя на работу, я приказала ему караулить огород, чтобы куры не склевали капусту, которая была только что высажена. Славик было пять лет, а старшие были в школе. Славик меня вечером встречает и говорит: бей меня мама, я капусту прокараулил. С ребяташками на улице проиграл. Ну, где же у меня поднимется рука его наказать. Да и не за что, за каких то пять корней.

1937 год. Начались ужасные сцены. По всюду сплошные чудеса, называли черный ворон. По ночам стали забирать мужчин и ночами же увозили неизвестно куда. Началось это и в нашей деревне. Что ни ночь, голосили женщины. Утром услышим, того забрали, и того. Мы пока не боялись. Казалось, за собой вины нет ни какой. К зажиточным не принадлежали. Тем временем в деревне люди исчезали и все по ночам.

В 1938 году 11 января пришла и ко мне страшная беда, что нанесла раны, которые не заживают и до сих пор. У меня муж был болен, заболела рука. Опухла, покраснела до локтя. Держал руку на повязке. Говорили, что рожа. Тогда, поздно ночью постучали и к нам в дверь. Велели не медленно открывать. Я открыла дверь. Три вооруженных человека спросили разрешения на обыск, я ответила, пожалуйста. А мужу приказали собираться, не смотря на то, что он больной. Обыск, правда, не стали делать. Спросили, с кем имеете связь за границей. А мы ни с кем и не имели. Хотя дядя Иван Денисович жил в Латвии. Писем он не писал, да и мы не писали. Просмотрели на стенах фотокарточки и задумались над больным. Как ему одеться с такой рукой. Я за это время подняла своих малышей, и они подняли такой крик да слезы, что видно им не по душе. Стали уговаривать меня, что, мол, отвезем его в больницу, подлечат, разберутся и отпустят до детей. Но я им не верила. Хотела, чтобы и нас с детьми забрали вместе с ним. Тогда они пригрозили, чтобы я из дома ни шагу до утра. Так мы накричались, наплакались, дети устали и уснули. А села возле стола, облокотилась и стала ждать рассвета. Слез у меня уже не было, резало глаза. Я обессилела, изредка бросала взгляд на кучу своих малюток. Те лежали на полу, на кошме, рядом пять человек, один другого меньше. Большей моей Анечке было одиннадцать лет, а меньшему Славикку пять. Такая песенка. Я думала одно, что мне не выстоять, не прокормить, не одеть, не воспитать. Приходили мысли самые плохие, лучше не жить в таком состоянии. Дождалась рассвета. Пошла в контору и узнала, что мужа отправили в эту же ночь и с ним и еще других мужиков. Утром собрались ко мне еще такие же несчастные женщины, и мы все плакали, пока не выбились из сил. А дети просили купать и спрашивали, почему я их не слышу. А я уже и не видела даже, и не знала когда ушли мои подруги. Потянулись страшные, грустные дни. Еще мелькала маленькая надежда, что вернется как больной. Но когда получила весточку, что из района их погнали в Томск, все рухнуло. Ибо из взятых в 1937 году не вернулся ни кто. Собирались мы, такие женщины тайком, вечерами и заливались слезами. Потому, что на нас некоторые активисты смотрели и даже говорили, что мы жены врагов народа. Стали работы давать, что похуже, потяжелее, плохую на нас сваливать,

и мы должны были все это сносить. В это время председатель колхоза Попов Ф. Был из самых бедняков. Безграмотный, забулдыга и пьяница как-то пролез на этот пост. Уж он и пошил наши слезы. С начала образования колхоза председателем был Потапов, как человек тоже малограмотный. Его заменил Филипов Иван Филипович, молодой, доброжелательный мужик. Не дала болезнь ему долго работать, умер от туберкулеза легких. Вот после него и заступил Попов Федор Павлович. Пьяница и грубиян командовал несчастными женщинами. И мы его боялись как лютого зверя. Он был очень несправедлив и в работе, но замечания ему все боялись делать. Кто пытался сделать ему замечание, тем он быстро мстил, как Сталин. Этот же Попов женился на моей куме Фросе и жил в нашей старой хате. С ней он нажил еще четырех детей. Будучи, пьяный всегда разгонял свою семью. А пойдет в контору, на кого ни будь да напустится. Мне как звеньевой часто приходилось с ним встречаться. Я была членом правления. Приходилось решать разные вопросы, приходилось выслушивать его несправедливые крики. Часто я от обиды плакала. Потом привыкла, ибо многие меня поддерживали, а его осуждали. Я на работе полностью себя отдавала. Работала честно, по стахановски, чтобы не чем было укорить. А то бывало, при малейшем противоречии председатель говорил, что будешь там, где и муж. Такие слова резали сердце без ножа. Вечерами подушку мочила слезами. Некоторые колхозники, особенно мужчины, которых осталось мало, пытались к Попову подмазаться. Зная его как любителя выпить, гнали самогонку и подливали его тайком. И он делал им во всем поблажки. По работе мне приходилось ходить по деревне, организовывать рабочих на лен, старых и малых. И мне было все видно, чем занимается наш председатель колхоза. Даже сумел районных работников подкупить. Без учета отпускал им зерно мешками, мед и другие продукты. А по ночам они гуляли вместе. Мы же несчастные женщины работали, как кони и были убиты морально. И он этим пользовался. Нажимал в работе и склонил к любви некоторых. Делал попытку и ко мне. Но я имела силенку и голову на плечах. У одной женщины в последствии нажил ребенка. А мне мстил, угрожал и старался чем ни будь досадить. Я старалась держаться от него подальше, а работа связывала. Когда школьники пошли в школу, приходилось требовать людей и советоваться. Зимой мы знали только лен. В небольшом помещении мяли, трепали лен. В тесноте задыхались пылью в большие морозы. Трепанный лен, чистое волокно, должны разложить по сортам и связать пучками по два килограмма для сдачи в госзаготлен. Эта задача возлагалась на меня, так как я проходила курсы обучения. Возить льноволокно приходилось в село Вороново за 40 километров на лошадке. А лошади в колхозе стали плохие, заездили. Правда, были и лучше, но они были постоянно закреплены за мужчинами. Иной раз мне давали пару кобы и подростка. За день до села Вороново доехать не могли, ночевали в пути, где приходилось ночь не спать, стеречь, чтобы не растапили волокно. Волокно в деревне ценилось на вес золота. На второй день доберешься до заготпункта и сдать, и на пустых телегах ночью домой. Принимали лен по сортам. За высший сорт оплачивали хорошо. А у меня лен проходил в большинстве высшим сортом. Были случаи, возили другие и сдавали лен за бесценнок. Это увидел председатель колхоза и стал отправлять только меня. Как бы мне было нельзя по домашней обстановке, детей бросить или по состоянию здоровья, он не падал и отправлял. Однажды отправил меня одну. Стояли короткие декабрьские дни. Пока я уложила воз двухкилограммовыми пучками, пока увязала, то выехала только в двенадцать часов дня. Поднялся буран. Дороги были мало наезженные. Кобыленку звали Серебрянка, плюхенькая. Стала она уставать, хотя сама я даже и не садилась, а сзади еще подталкивала. Посреди пути дорога стала еще хуже. Сани обрезаются, воз на бок валится, и стал совсем опрокидываться. Поднять его одной уже не хватало сил, а переложить надо много времени. И вечер уже захватил давно, и никто не едет и не догоняет. И на встречу ни кого. Не знала, что и делать. Мучилась долго. Потом услышала лонукание коней и мужские голоса. И дождалась на встречу несколько подвод с грузом. Они закричали, сворачивай. Снега там местами были метровые, а у меня воз на боку лежит и дорога срезана, разбита. Они остановились, в руках бичи. Я со слезами стала умолять и просила помочь моему горю. Сначала они матерились, Какой черт тебя гонит в такую пургу и еще одну ночью. Я только плакала. Про себя думала, не черт, а Попов. Все же мои слезы их пробило. Они подняли воз, который лежал на боку, поправили, который сбился на бок, поставили на твердую дорогу и присыпали моей Серебрянке бича. Та забыла усталость и пошла. Я не знала, как их благодарить. Стала догонять воз. Время было под полночь. У меня настроение изменилось, до деревни оставалось километров пять. Задумалась, шагаю понукивая за возом. Слышу скрип саней и топот лошади, догоняют меня сзади. Оглянулась. Вижу на доброй лошади, в кошевке едет мужчина. На мой поворот головы он крикнул, чтобы я подошла к нему. Я продолжила шагать молча, а дреж забил меня. Он повторил приказание, я невольно повернула голову. А он поднял на руках два пучка льна и говорит, не я ли потеряла. Я взяла волокно, поблагодарила. Он вылез из кошевки и пошел пешком рядом со мной. Видимо он

замерз или не хотел обгонять по глубокому снегу. Завязался разговор. Он оказался секретарем райисполкома. Ездил по району. И у меня страх исчез. Доехав до деревни Ересная, стала проситься на ночлег. Было поздно, все спали. В одной избе светилась коптилка. Они открыли мне и пустили переночевать. Так как у меня ценный груз, то я воз поставила под окном. Распрягла, дала корму, сама погрелась чаем и под окном сидела до утра. Утром сводила свою лошадку к речке, напоила, запрягла и поползла дальше. Клонило в сон, шагалось тяжело. Но уже страсти миновали, длинная ночь прошла казалось благополучно. На душе становилось теплей. Может быть потому, что предстояла встреча с любимым братом Сашей, который жил в то время там же в Воронове. После сдачи льна я могла заехать на часок к нашим. Хоть погреться, иной раз я там и ночевала. Как всегда торопилась домой к своим малолеткам. Старшая Анечка закончила четыре класса и пошла в пятый в другую деревню, Базой. В нашей деревне школа была только до четырех классов. И вот бедные дети каждое воскресенье клали на плечи сумки с запасом продуктов на неделю и драпали с этой ношей пешком девять километров. Там снимали квартиру и учились. А в субботу налегке бежали бегом домой, и начинали помогать по дому. Бралась за уборку и в огороде, а спирку заводили большинство ночами. А в воскресенье обратно. В Базое они могли закончить только семь классов. А восьмой надо ехать в Кожевниковский район за 90 километров, что представляло большие трудности. Железной дороги не было. Только на лошадях, а лошади стали плохие и мало их. Давали только по большим нуждам. Да и председатель колхоза не отпускал дальше учиться, потому, что работники нужны были в колхозе. У меня Аня училась только на отлично. Я очень заботилась, ночами думала, как им дать образование. Все думала, как мне трудно жить малограмотной, хотя бы детей вывести на свет в люди. Когда Аня кончила семь классов, решила я отправить ее в восьмой класс в село Кожевниково, за 90 километров. И так, чтобы Попов не знал. Узнала я, что учительница Мухина уезжает в Кожевниково. Пошла к ней вечером, договорилась. Она наняла машину в Базое, а в нашем колхозе и машины не было. Мухина пошла мне на уступки. Согласилась взять Аню с продуктами на первый случай. Вот мы молчком, ночью собрали все в чемодан и мешочки. Ночью все отнесли, а утром пошли на работу, пока машина придет. Была я назначена на склады, на очистку зерна и Аня вместе со мной. Машина, очищающая зерно называлась клейтон. Крутили вручную по два человека. Через час менялись, остальное время сыпали зерно в мешки и носили сами. Мужчин не было. Вот я свою Анечку взяла на пару с целью, что как машина придет, я ее отпущу и стану одна крутить. Чтобы не причинить срыва в работе, а то Попов совсем съест. Так и получилось. Сообщили, что машина пришла. Аня оторвалась от ручки клейтона и побежала через огород к Мухиной. А я осталась одна выполнять работу за двоих. Попотела не мало. Клейтон крутить было тяжело, даже двоим, менялись часто. Так сбежала моя помощница незаменимая, не попрощавшись и не провоженная. Очень тяжело было у меня на сердце. Некоторые девочки тоже пытались бежать учиться, уходили пешком, но не всем удавалось. Стал следить Попов. Сразу же садился на своего жеребца Скворчика. Жеребец бегал хорошо и был хороший производитель. Вот на нем Попов и догонял девочек и гнал домой. Однажды две девочки спрятались на кладбище, но он нашел и пригнал обратно. И родителей уж тогда задал живьем. Доставалось и мне горячего до слез.

В том же 1938 году, когда у меня отняли самое дорогое что есть на свете и оставлено на одну воспитание пятирех детей, летом заболела наша последняя корова. В тот год она не телится. Болела долго. Приглашали ветеринарного врача Ивана Петровича, но ни что не помогало. Корова худела, на пастбище вилд последней, а потом и совсем не стала подниматься на задние ноги. Поднимали и подтягивали на веревках, кормила ее дома. А корова все худела на глазах. Стояла жаркая погода. И вот врач ее еще раз осмотрел и признал воспаление матки и всего зада. Велел приколоть. Мясо очень плохое и базара нет. Я решила засолить в кадку. Есть сами не могли, и никто не покупал. Правда, сам Иван Петрович взял десять килограммов по дешевке и то из жалости ко мне. Остальное мясо через некоторое время выбросила собакам. Ох, какое было горе, сколько слез. Ведь дети еще все маленькие. А деревне говорили, что корова на дворе, пища на столе. Летней порой молоко дорогое и мяса нет, и в магазине не купишь. Если кто принесет литр молока, дети обрадуются, а я слезами заливаюсь. Вечером сяду на койку, а они все кругом увиваются. Я плачу, а Анечка уговаривает, не надо плакать. У нас вырастет телочка и будет молоко. Поросенка заколем, и будет мясо. Но такое убеждение до меня не доходило. Я все думала, что делать. Помню, надумала ребятинек поугаать, как они будут реагировать. Вот я им и говорю, что помираю, и завалилась тут же на койку. Закрывает глаза и перестала дышать. Мне и самом деле жить не хотелось. Но тут же Анечка с ужасным криком бросилась ко мне, обхватила за шею. Стала целовать в губы и щеки. Мамошка не умирай, мамочка не умирай. Мое сердце заболело, и я была потрясена. Подумала, что же я делаю. Разве можно так пугать детей. Открыла глаза, Анечка обрадовалась. А другие стоят в сторонке и

смотрят на эту сцену. А Осишка усердно пальчики сосет. Когда я спросила, как вы будете жить без меня, ежели я умру, то Ося сказал, что женится. А остальные говорили не надо умирать, мы будем плакать. Над Осей не мало подивилась. Кто его этому научил. Я обиделась на него, что он меня не жалеет. Он ответил, что жалеет. Утирая слезы, пришлось улыбнуться и больше не повторять такие глупости. И опять я думала, как купить коровенку. К осени я собрала немного средств и купила в Базое первотелку. Мы все сразу ожили. На второй год осенью у меня коровка потерялась, не пришла вечером домой. Мы сбившись с ног, два дня искали. Я садилась верхом на коня и ездила в поисках вокруг деревни по всем сторонам. Но нигде ее и следа не было. Наша деревня находилась на трактовой дороге. Была у меня мысль, что попала корова на дорогу. И ее утащили или зарезали. Ибо случаи подобные были. Опять у нас горе, слезы. На третий день я опираливаясь с работы и иду в село Базой где покупала телку. Последняя надежда. Обойти всю деревню и хозяина, у которого покупала, нет коровенки. Усталая зашла к Фране. Она тогда жила с Морозовым в Базое. Встретила она меня горем убитую, посадила к столу. Но мне было не до еды. Я слезами была сыта. В это время открылась дверь, и зашел мой сосед Санька Артемьев. Он сказал, что видел мою корову возле свинофермы. Мы с Франей мигом пошли и нашли корову. Когда пригнала ее домой, какая радость была для ребятнишек.

Тем временем моя свекровушка Магдалена Яковлевна нажилась у сына Иосифа Викентиевича. Прожила корову, так как у Иосифа семья тоже прибыла. У него родились два сына Антошка и Ваня. Она нажилась и у дочери Юзефы Викентиевны, у которой тоже росла другая дочь Тоня. Тоня росла озорной девочкой и бабушку ненавидела, издевалась над ней. А Миля росла скромной девочкой. Вот моя свекровушка и зачастую ко мне. А мои ребятнишки относились к ней очень ласково и хорошо. Быть может, видели, что я уважала ее, хотя она меня и бросила, когда у меня были маленькие дети. Сначала Магдалена Яковлевна приходила и гостила. Жаловалась на дочь и внучку и уходила. Но потом не стала уходить. Я даже не заметила, когда она перетащила свои тряпки. Она осталась жить у меня несмотря, что не было ее сына, моего мужа. А я, забыв все обиды ее жалела по настоящему. Она была уже совсем больная. Сильно кашляла, плевала, страдала астмой. Стали отекать ноги, Ходила плохо. За ней потребовался полный уход. Прибегая вечером с работы, я не знала, за что хвататься. Слушать ее жалобы, обихаживать детей, управляться со скотом, топить баню. Ибо у нее лежащей в тепле стали заводиться вши, особенно в шерстяных чулках, которые она не спускала с ног днем и ночью. Вот мы ее с ребятнишками ведем в баню. Я ее мою и одежду всю над каменкой прожариваю. Одеваю во все чистое и укладываю в постель чистую. Накормлю. Она всегда днями молилась богу, желая мне здоровья и счастья. Кто бы ни приходил к нам, она всем хвалила моих детей и благодарила меня. Юзефа Викентиевна с мужем переехали в Чилино, где Иосиф Алтонович работал счетоводом. Когда Юзефу Викентиевну постигла такая же участь в 1937 году, она вернулась к нам опять. Она вступила в наш колхоз, а жила у меня. Но без привычки ей было очень трудно. Приходя вечерами, домой она стонала от усталости. Рученьки, ой рученьки мои. А выработать она не могла даже нормы. Приходя, домой она ни за что не бралась, сидела возле мамы и отдыхала. А мама старалась припасти, что ни будь вкусенькое под подушку для нее. А мне, приходя, домой надо подоить две коровы, напоить теленочка, свиней, принести воды. Вода была не близко. Шагом мне не управиться, приходилось бегать бегом. Надо варить ужин, заводить хлеба, квашню. Собрать и убрать со стола. А рано утром опять все повторялось. И в школу отправить, скотину в поле выправить и на работу не опоздать. Без двух норм не уходила. Стонать времени не было, и жаловаться не кому. По ночам руки в плечах болели и все остальное. Пальцы немели, голова забита заботой как рассчитаться с налогами которыми облагалась. Мясa надо сдать 40 килограммов, молока 220 литров, яиц 100 штук, шерсти с одной головы овцы 800 грамм, картошки 4 центнера. А денежные налоги, заем, знай под окном посыльный, вызывает Межецкую в контору. Несешь с собой все квитанции. Не успеешь один срок уплатить, а уже подошел другой. Надо думать, как одеть и обуть детей. В зимний сезон, и летний, и осенний подходит. Где брать деньги, что продавать. Налог не уплатишь, опишут, скот конфискуют. А денег на трудодни получали в год по 14 копеек старыми. А денежный налог 2 тысячи и больше. Просишься в город продать мясо, не отпускает Попов. В первую очередь он отпускал тех, кто поил его самогонем. В последнюю очередь отпускал нас и опять последняя лошадка нам женщинам. Выделит одну лошадку на два хозяйства. Накладом бывало мясо и другие продукты, чтоб хватило рассчитаться с налогами, купить немного ребятнишкам. Опять наша лошадка чуть тащится и мы ей в подмогу сзади толкаем. А мужики, сидя на своих лошадаях, т.е. на возах курят и посмеиваются. Был случай, когда они уехали от нас далеко вперед, а у нас порвалась завертка на санях. Подвязать ее очень трудно, особенно в снегу, нужно воз наклонить на бок. Да и где взять завертку. Мы день шлепали по снежной дороге с мокрыми подолами и в темную ночь. Далеко отстали от своих

мужиков, все в слезах от обиды, пока мы скрутили новую завертку и закрутили ее то совсем промокли. Приехали на постоялый двор. А наши мужики лошадей распрягли, чаю напились, лежат на нарах покуривают. Мы распрягли, поставили лошадку, сами как курицы мокрые с застывшими подолами боимся заходить. А где обсушиться, когда кругом одни мужики. Мы молчком лежим, дрожим всем телом, пока не согрешься.

До города Новосибирска было 120 километров, а добирались только на трети сутки рано утром. Первый день от нас дорога слабая, очень снежная и малонаезженная. До ночлега в Чермушанке со свежими силами не так уж и уставали. На второй день до ночлега протяженность пути 60 километров. К вечеру ноги совсем отказывали и в город мы приползли чуть живые, заветренные, измученные. Боялись сами себя, видя свое отражение в витринах. В городе мы должны были мужики заранее угостить, чтобы помогли туши мяса таскать на кеймешку, на весы и с весов. На базаре установить место продажи, договориться с рубщиками. Вот стоишь дрожишь, руки отмерзают и ноги, Валенки с дороги сырые. Да и дрожали за то, чтобы не обсчитали таких грамотеев как мы. Вот так торгуешь день, другой, отдаешь подешевле, пока еще душа не совсем замерзла. Вечером сидишь и подсчитываешь вырубку, а рано утром в пять часов идем занимать очередь, чтобы купить хоть немного ситу. Очереди были всегда и везде. Люди стояли и не знали, что выбросят в продажу. Вот мы занимали очередь приезжая в город. Не забуду ни когда, стоял сильный мороз. А у меня за дорогу неоднократно штаны мокрые, да еще пришла беда женская. Пришлось все снять и запрятать в мешок. Запасных с собой не имела. И вот стою я, с голыми коленками таясь от всех, зуб на зуб не попадает. С пяти до одиннадцати часов простояли, открылся магазин, а там ни чего нет, что было нам нужно. Тогда мы бегом на толкучку. Берешь, что попадет с рук, и в комиссионном магазине возьмешь, что ни будь. Выбора, ни какого не было. Брала то, что было, нравится или не нравится. В городе мы были по три дня, такой был дан срок. Да и лошадку кормить было не чем. Спешить скорее домой. Не было случая, чтобы купили, какое ни будь лакомство. Ни конфет, ни фруктов, ни яблочка не купали и домой не везли. Везли все необходимое, деньги с налогами рассчитаться, на себя, на детей, что натянут. С базара полностью мы не могли одеться и обуться. Пряли, ткали, овчину выделывали. Сама выделывала и кожу для обуви, хотя это запрещалось законом. Квасила овчины, где ни будь в бане или в землянке. Кожу дубила. Дуб ребятишки надирали в колках. Делали все ночами и тайком, а то давали большой штраф, вплоть до заключения. Сама шила тулупы и полушубки, они были теплее и лучше фуфайки. Брючишки суконные, самоканные и нижнее белье все шила сама. Если отдать шить на такую семью, чем будешь расплачиваться. А шитого белья и одежды тогда ни где не было. Кожу выквасить и шерсть выгнать было не так уж и трудно. Но отмять кожу было страшно тяжело, овчины, правда, легче и то попотеешь. Шить пшубы тоже трудно. Тяжело прокалывать иглой кожу. Нитки толстые холщовые кушить не могла. Было времечко, сидели при керосиновой лампе. И с керосином была проблема. В нашей деревне не было и маленького магазинчика, только в Базое за девять километров. Да и то только пайщикам. Мыла не было. Пытались варить сами из сала и кипок и разных отходов после убоя скота. С трудом в городе доставали каустическую соду. Для стирки и в бане мыться делали из древесной золы щелок. Баня стояла в огороде, на задах. Воду носили из колодца и далеко. В бане из камней и кирпичей складывали каменную печь. Трубы, чтобы дым выходил не было, и весь дым шел в баню. Воду грели в большом чугуне. Пока воду нагреешь, две кадочки и меняешь ее, дым глаза разьет до красноты и голова разболится. Даже мыться уже не хочется. Баню топили каждую субботу. А впи нет, нет, да и появлялись. Я замечала, что школьники приносили вшей из школы. В некоторых школах они ходили пешком даже по полу, не говоря об одежде. Однажды появилась вспышка сыпного тифа. Вот выехала вся медицина из района к нам. Больных поместили в школе. Дезокамеру поставили на улице и кого были больные заставили выносить всю одежду. Мне пришлось увидеть страшную картину. Вши, гниды в одеялах и подушках целыми кучами. Меся бог миловал от такой беды. Скоро эту вспышку болезни потушили и всех вылечили без единой смертности. Даже дурачок Фадеев Папа выжил. Так протекала тяжелая, горькая жизнь.

Семья подрастала и большая. Увеличивались потребности, заботы и работы. Все мужские работы легли на наши плечи. Сбруя рвалась, веревки рвались, литовки затушились, пила не пилит, топор не рубит. Заколоть скот надо. А где напросишься, да и не кого. Мужчин в деревне в нашей родне не осталось. Приходилось все самой делать и всему учиться. Позже приучала Осю и Ваню. Овец колола ловко одна, а свиней и крупнорогатый скот просила на помощь. Был в деревне старик Ивкин, он всем и помогал. Очень добрый человек. Правда, приходилось угостить и мяса дать. В последнее время я уже не просила, все делали сами с пацанами.

Мои мальчишки учились не плохо, но и не отлично. Проскальзывали троечки. Хорошо меня не вызывали в школу, жалоб не было. Но однажды Осю взяли под свое влияние Женька Сулимов и Дашкин Володька. Который тоже был исключен из школы, как и Женька. Они были на два года старше Оси. А я из-за работ и забот и не заметила, что Ося не выполняет домашние задания, и в школу не ходит. Это было ранней весной, снег растаял, тепло, и они втроем стали ходить в лес бурундуков ловить. Это выяснилось позже. Я работала на льне, возле бани. Вот они трое подходят ко мне, Ося молчит, а Женька говорит что и Осю исключили из школы, тот мордвин такой сякой, задает такие сложные задачи, что никто не может выполнить. Я Осю спросила, был ли он сегодня в школе. Он потупил голову и молчал. За него отвечали друзья. Я взяла Осю за руку и сказала, что идем в школу, не смотря, что одета была во всем рабочем и пыльная. Пришли в школу, как раз шел урок. После звонка я зашла в класс. Учитель бросил на меня взгляд и сказал. Хорошо Меженская, что вы пришли. Я уже просил пригласить вас. Я не знаю, что с вашим сыном, я его не узнаю. Домашнее задание не выполняет и как немой не отвечает на вопросы. Я его посылая за вами. Я рассказала учителю, что слышала от папанов об исключении. Он сказал, что это не правда, а учится Ося стал плохо. Тогда я притащила Осю прямо за ушко в класс к учителю. Стала отчитывать за обман. Учитель оставил его на дополнительный урок. А вечером я Осе еще и ремешка подсыпала. Наказала порвать с Женькой и Володькой. И начал мой мальчик учиться только на хорошо и закончил четыре класса на отлично. А у нас четвертый класс был выпускной, ибо пятого класса у нас в деревне не было. Кто стремился учиться ходили в пятый класс в село Базой. Но большинство оставалось работать в колхозе. Я своих отправила учиться, хотят или не хотят, мое слово для них было закон, и они слушались. Уроки выполняли сами, я их не заставляла. А заставляла все по дому работать и в колхозе. Чтобы заработать как можно больше трудодней и правление лучше на нас смотрело. Мы со своей семейкой больше других зарабатывали, как бы трудно не было. На трудодни стали получать мало, год был не урожайный 1938. И осень очень дождливая. Картошка погнила от большой сырости. Что делать, с такой семьей в семь человек с осени подбирали что выросло. Зимой в январе собрала вещи мужа, костюм и тулуп и свои шапки, кофточки шерстяные, попросила у Попова лошадку, мне не отказали, но опять из тех же не закрепленных. Лучшие кони были у мужиков закреплены. Они и в колхозе на них работали и для себя, куда только надо и за сеном и за дровами. А мы на последних клячах. И вот мне опять попала худая и большая лошадь, как выяснилось, когда запрягала. Конюх Киселев сказал, что она больная. Но меня ехать неизбежно заставлял голод. Я знала, что груз у меня не тяжелый и до деревни Крутинка расстояние всего 20 километров. Я должна была обязательно поехать, еще с осени были отданы там же, катать валенки всем. Должна их выкупить, а то босиком ребятнишки и сама в валенках дырявых ходила. Вот я и пустилась в путь, собрав манатки. Сначала моя кобылка трусила бегом километра три, а потом только шагом. А после десятого километра стала останавливаться, даже прут выломанный не помогал. Я считала она голодная. Стала сеном подкармливать. Так с отдыхом к вечеру дошла. Ночевала у знакомых, у отца Жолудевой Е. Добрый старик выслушал меня и стал ухаживать за лошадкой. Не пожалел, насыпал ей овса, напоил из колодца. А я этим же вечером пошла по деревне, менять вещи. И наменяла одиннадцать пудов картошки и шесть пудов ржи, зерна. Утром поухаживала за лошадкой. Напоила, накормила и хлеба печеного дала, что из дома брала. Выкупила шесть пар валенок. Все уложила и отправилась домой. Сначала моя голубка шла, а потом стала останавливаться. Я ее жалела, стала помогать, сани подталкивала сзади. Жгучий январский мороз был нипочем. Даже потела, и казалось тепло. Так проехала километров десять. Моя голубка совсем встала и я тоже не меньше усгала. И подкормка уже не помогала. Я навалилась на воз, а она стояла голову опустив. А меня потнуло стал мороз пробираться до костей. Дрожь пробивала от холода и от страха, что делать, ведь надвигалась длинная январская ночь. Разыгралась метель. Постояли с полчаса и опять поползли. Но скоро опять встала кобылка. Хоть ее убей ни с места. Стало темно. Еще стояли долго, пока я совсем не замерзла. Потом опять толкала сани, километра три протолкала. Выбившись из сил села на сани. И что мне только в голову не приходило, жить не хотелось. В таких муках хотела ложиться на снег, чтобы заснуть навсегда. Мучила материнская жалость, осиротишь детей безвинных совсем, страшно. И жаль своих лучших променянных вещей. Вот еще собралась с духом и начала толкать сани и стегать Голубку. С километр протолкала, щеки мои были мокрые от слез, и я не чувствовала, что они у меня были твердые, мороженые. Было поздно, а мы стояли. Потом решила, распрягла Голубку, накрыла получше картошку тулупом. Сама думаю, валенки если кто возьмет, то только бы картошка уцелела да рожь. И погнала одну лошадь без саней по дороге домой. В одиннадцать часов я чуть живая валилась в дом. Свекровь закричала, что я щеки обморозила, а с них потекла жидкость. Я разбудила папанов, чтобы Голубку отвели на базу. А Юзефу Викентиевну

попросила сходить к Попову и попросить другую лошадь. Но Попов вместо лошади прислал угрозы и матерков кучу. Мол, лошадь утробила, воз перегрузила. Пусть сама везет, а еще и за лошадь ответит. Юзефа все мне доложила, а я от обиды не знала, что мне делать. И страшно жаль, если картошка замерзнет, и на дороге проезжие могут все растащить. Пошла сама со слезами на глазах к Попову. Объяснила, что на возу всего семнадцать пудов, и он может создать комиссию встретить и проверить. Тогда он разрешил взять другую лошадь, и мы с пацанами пошли к брошенному возу, который был для нас дорожее всего. Подходя, я думала, что, наверное, уже украли валенки и тулуп. К нашему счастью все оказалось на сапях. Видно ни кто не проезжал в такой поздний час и сильную метель. Приехав, домой мы ожили. Зерно, подсушив на печке, размалывали на жерновах, и картошка вместо меда пшпа. Потекла опять трудовая жизнь. Только щеки долго болели, затянутые черной коркой.

Юзефа Викентиевна проработав одно лето и зиму, уехала обратно в Чишино, у нее там стоял свой домик. Ей очень уж тяжело показалось в колхозе. Девочки ее подросли. Старшая Миля, окончив семь классов, вышла замуж в Новосибирске совсем молоденькая. Тоня тоже уехала в Новосибирск, училась до семи классов, а позже работала. Юзефа Викентиевна в летнее время устранилась временно в сельпо разнорабочей. Там она познакомилась с неким стариком Плотниковым, который работал по хозяйству. И жил он на одной с ней улице, через дом. Имел жену и дом свой. Он бросил свою старуху, с которой прожил тридцать лет и сошелся с молодой, на двадцать лет моложе, Юзефой Викентиевной.

Магдалена Яковлевна становилась все хуже и хуже, не могла уже совсем на ноги вставать. Ноги были, как колодки водой лалиты. Если она хотела встать на ноги, то ноги лопались, и сочилась вода, жидкость. Каплять стала сильнее и весной 1940 года, в самую распутицу, стала совсем плохая. Ей требовался надлежащий уход и ночная сиделка. На ночь к ней приходила старушка Секлешина. А дочери навещали очень редко. Приходилось и мне ночи с ней сидеть и выслушивать ее стоны. В сознании она была почти до самой смерти, замолчала часа за два. Еще заранее по ее просьбе я приготовила свечку. Так со свечкой в руке она при мне перестала дышать. Я разбудила пацанов и рыдала как набитая дура. Мне было очень ее жалко, а может я, плакала от своего горя без конца и без отдыха. Тогда я думала, что свекровь мне не зачем было так жалеть, ведь она не мало мне причинила. Она мне ни чего хорошего не сделала, а покинула меня в самые тяжелые годы. Когда у меня были малелькие ребятинки, и мне нужна была нянька. Она лежала мертвая, а я плакала и думала, как ее похоронить, как сообщить ее дочерям и как все организовать. Нигде не виделось, чтобы кто-то мне помог. В деревне была только одна сноха Юлия Иосифовна, да и та часто болела. Вот я начала думать и метаться во все стороны. Пошла в контору, отпрашиваться от работы, просить гвоздей которых не было и тесу на гроб. Мне отказали. Стала спрашивать, кто выкопает могилу и сделает гроб. Мужчины было мало, и все заняты в колхозе. Умалчила, с трудом собрала. Раскрыла тесовую крышу, и из этого сделали гроб. Гвозди дал Петров Александр, спасибо ему. Осю с Желькой послала в Езовок за водкой. Сообщила и в Чишино и Воробы своим золовушкам. Считала, они помогут в похоронах. Надо готовить обеды, стряпать хлеб, на все у меня рук не хватало. Правда племянница мужа, добрая душа, Франя помогла мне все стряпать. А Юлия заболела и не пришла даже сама на похороны.

Я собирала, во что одеть, обувь, что в гроб послать и чем накрыть, а дочери ее все не являлись. Правда Миля приехала, когда уже стали выносить гроб, а Юзефа уже после похорон, когда шли с кладбища. Приехали они как одна с голыми руками. Ноплакали, за столом покупали, помянули и ушли в гости к Юлии попрощать. А мне остались не убранные столы, не мытая посуда, грязные полы. Постель, подушки покойной мокрые лежат на улице, ждут стирки. А я уже так устала, недосыпания, последние ночи у постели больной, а золовки ушли отдыхать. На похороны они не потратили ни копейки. А я водки брала четыре литра и самогона заняла три литра, после чего долг должна отдать. В ту пору мне было очень обидно на золовок, а сказать и даже виду подать не могла. Все постепенно сделала и продолжала скучать по свекрови. В то время думала, пусть она бы хоть больная, но лежала и командовала детьми. Да и мне смелей и веселей. А у меня вместо веселья были только слезы. Я уже могла не только по своему горю плакать, но и помогать всем у кого горе, или кто умрет, совсем чужой, а я слезами всем помогаю. Я не хотела плакать, но и была не в силах слезы удерживать. Часто стала мучить головная боль, бессонница, стала чувствовать плохо с сердцем, болели ноги. Стала бояться участи свекрови. А в работе пощады не было. В колхозе знали все как стахановку, все приглашали в контору и давали все новые поручения и всякие общественные поручения. Даже заочно выбирали во всякие комиссии, в сельпо, в ревизионную комиссию, членом правления. А я дура не могла отказаться и все везла как вол, чтобы меня только не укоряли, что будешь там, где и муж. Такие слова задевали страшно больно. Зная, что он безвинный, страдает, и меня тут

мучают и терзают. И дети без вины страдают, они чувствовали себя убитыми. Когда Аня стала писать автобиографию, то боялась писать правду, где отец. И не в силах быть честной все же писала, что отец умер. Когда она поступила в институт, то боялась, что выяснится про отца и тогда ее могут исключить. Ох, бедные дети и за что страдали в то несправедливое время. Когда Анечка училась в Кожевниково, были тяжкие переживания. Во первых- квартирные условия, второе с питанием. Мне что-то послать было затруднительно. В район ездили редко, только председатель и счетовод с отчетами. Ездили всегда с ними попутчики больные в больницу, и у меня брат передачу не хотели. А к Попову и не думай обратиться, он и так меня заедал, что отправила учиться. Но я узнавала, кто поедет в Кожевниково, ходила к ним ночью, чтобы никто не знал, и умоляла взять сумку с продуктами для девочки, от которой только получила письмо. Аня писала. Дорогая мамочка у меня давно выжили все продукты. Сегодня Пасха, люди купают яички и все, все и сладости. А у меня нет даже единой картошечки. Такое письмо вновь ранит мое сердце. Купить себе там она не могла даже хлеба. Хлеб продавался по карточкам, а колхозникам кто давал карточки. Были там еще две наши девочки, они не выдержали и приехали домой. А моя и не думала бросать учебу, привычная была к трудностям. Тогда я обратилась к председателю сельского совета. Им был Бобровский Иван Васильевич. Он дал мне справки, что Аня не колхозница. Я выдала ей, и она стала покупать в сельпо хлеб по 200 граммов. Какая радость была ей и мне. И благодарны мы были Бобровскому. А жиры, мясо, крупу и другие продукты приходилось мне ей высылать, умоляя добрых людей. Хорошо, что их было не мало, которые сочувствовали. Так моя Аня закончила там восьмой, девятый и десятый классы. Летом, на каникулы приезжала домой. Работала в колхозе и дома. А председатель все мстил. Во время летних каникул придумал послать ее на лесозаготовку. И с кем? С Женькой Сулимовым на одной лошади, за Томск. А она Женьку боялась как огня и ненавидела. Мы с ней плакали, но отказаться не могли, так как боялись. И поехала она одна с этим противным Женькой. И я долгое время боялась за нее. Но Женька оказался неусознаемый. Вернулись они скоро. Он придумал, что лошадь заболела. Главное, что он относился хорошо к Ане. Та приехала с улыбкой и Женьки больше не боялась.

Все также продолжалась наша колхозная, тяжелая, трудная, беспокойная жизнь. Все также мучили налоги и свое подсобное хозяйство. Летом надо сено заготовить на зиму. На один только день отпускали от колхозной работы, чтобы сено покосить для своего личного скота. В этот единственный день старались, сколько было сил, чтобы побольше покосить сена. Чтобы можно было содержать больше скотинки, ибо доход был только от скота. По уставу держать можно было только одну корову, подиаска одного, пять овец и одну с ягнятами. Но я старалась держать больше. Поэтому за один день со своими мальчишками мы отдавали все силы, с темна и до темна, без отдыха, чтобы больше покосить. Уставали так, что сил не было домой идти. И еще один день отпускали сгрести и сметать сено. На себе таскали сено, складывали в кошны и стога. Зимой к нему тропили дорогу по глубокому снегу, было трудно. Снега там всегда были очень глубокие, места лесные, хорошо задерживался снег. Зимой на слабой лошадке не вылезешь. Иногда приходилось вывозить сено и дрова на бычках. Они не идут, урсят, ложатся. Не дай бог, как мы с ними мучались. Вот однажды мы с Ваней поехали за сеном. Дали мне быка по кличке Коля, очень уросливый, ленивый. Мучались мы с ним полдня и выпрягали, и сами вывозили воз на дорогу и опять запрягали. А он опять ложился. Ване уже раньше приходилось работать на быках. Так и здесь, он зажигал жгут сена и быку под хвост. Тогда наш Коля соскакивал и пошел. Так мучались всю зиму. Дров нужно было много, угля не было. И вот приходилось каждую неделю привозить воз дров и воз сена. Да и с каким трудом. Пока выпросили у бригадира бычка сходились несколько раз в контору. В ответ часто берете и все быки и лошади заняты. На другой день иду в контору пораньше, чтобы очередь занять и выжидаешь, когда подойдет бригадир. Идет бригадир, а за ним толпой такне- же просильщики. Всем надо и дрова, и корм скоту вывозить. Бригадир не знает, кому дать, а кому отказать. Припоминает и кричит, ведь тебе недавно давал быка для подвозки. Где я всем возьму. На колхозную работу нужна тяговая сила и вы на работу идите быстрее. Так не раз возвращея ли с чем домой. А дома печь уже протопилась, что была затоплена, чтобы согреть завтрак. Дрова сгорают быстро, это не уголь. Растопить снова нет времени, надо скорей на работу. А вечером берешь санки и в лес за дровами, немного привезешь, чтобы не замерзнуть. И опять надоедаешь бригадиру. Наконец получаешь, какую ни будь клячу. Ребятинки в школе, еду одна. И так намучаюсь, что в самый большой мороз приеду в ногу. Хочется привезти сена и дров, чтоб хватило на неделю. А под весну сена не хватает, едень искать по полям солому. Откапываешь маленькие пучки, осенью разбросанные комбайном. Дома их рубишь топором, посылаешь, запариваешь в кадке и скармливаешь скоту. И так дотягивали до весенней травы. На скотинке казалось, вся наша жизнь держалась, и прокорм и денежные доходы, если продашь мясо. Тогда

маленько вылезешь из нужды. Налог становился все больше и больше, доходил до двух тысяч, а на трудодни получали мало. Помнится, один год получили старыми деньгами по 14 копеек на трудодень и по 800 граммов сырого зерна, да еще и сорного. Пока высушишь на печке и очистишь, остается совсем мало. Поэтому приходилось держать подсобное хозяйство, чтобы сосуществовать. Выходной день проходил в заготовке кормов и топлива. Шить и стирать, прясть и вязать приходилось вечерами. А овчины и кожу квасили украдкой. И так же каждый год зимой обычно отпрашивались в город, чтобы продать мясо и другие продукты или шерсть. Добраться до города было для нас большим горем. Лошадей в колхозе совсем заездили, и их стало мало. Стали выделять на два-три хозяина одного взрослого быка. Да и то не до города, а до станции Ояш. Она была самой близкой станцией от нас. До Ояша было 60 километров. Вот мы и мучаемся в дороге, толкали сами, где дорога шла на подъем и поуже. До станции добирались на третий день. Пригородный поезд стоит две минуты, начинается спешная погрузка. Мужчины все сильнее и смелее. Бросают в холодный вагон мясо прямо через головы. И мы несчастные женщины не жалея сил торопимся тоже бросаем, но остаемся оттолкнутыми. Пригородный поезд трогается, а мы бегаем, кричим, просим помощи. Однажды одна туша баранины чуть не осталась на пироне, какой-то дядька уже на ходу забросил. Да и сами сдились на ходу. Руки и ноги дрожали от тяжести и усталости, от страха, что можем остаться на станции. Так мало стоит поезд, всего только две минуты и ходит один раз в сутки. Наконец мы поехали. Все потные и мокрые в холодном вагоне. Через некоторое время начинается дрожь как лихорадка. Начинаешь искать, где наше мясо и наши пожитки. Разбирая, садишься на всю кучу и бросаешь через голову. Мужчины успевали кое-как свое мясо уложить и приметить. А мы не найдем где наша поклажа. Подъезжали к городу ночью. Начинаешь волноваться, больше дрожать. На Ельцовке, север Новосибирска, начинают выходить и сбрасывать мясо чужие мужчины, с которыми в темноте может сойти и наше мясо. Наконец прибываем на станцию Новосибирск-главный. Начинаем и мы сгружаться, считаем свои узлы и мешки с мясом. Если все цело, то на миг успокаиваешься. И тут же начинаешь заботиться, как добраться до квартиры, где были год назад, на улице Кранюткина. Это километров семь от вокзала. Жили там одни наши деревенские, некие Лукаши, добрые старики. И мы все к ним добирались, как могли. Брали из дому саночки покрепче и запрягались в них сами. По бесснежным улицам тащились как ишаки и всегда ночью. Пригородный прибывал в Новосибирск в одиннадцать часов вечера. Пока доберешься, час ночи. Не успевали просохнуть от пота. Пока стаскаешь мясо и продукты, не оставалось времени на отдых. Надо поспешнее везти на клеймешку, занимать очередь и место где будем продавать. Дважды мясо таскали. Раз на клеймежке на веса, с весов опять на санки и тащим до павильона, где рубщик отведет место. И опять на себе тащим за прилавок. Тут начинаешь торопиться. Чтобы время не терять просишь рубщика скорее нарубить мясо. Дни были все на учете и до краев переполнены заботой. В первую очередь рубщик себе отделит кусище. И мы не смели считаться, боялись этих толстяков. Наконец начинаем продавать. Было в то время хулиганство большое, на глазах тащили, и всячески обманывали колхозников малограмотных. Тут опять дрожь, напрягаешь зоркость и память. Холод пробирал через потную одежду и не просушенные валенки, которые с дороги не просохли. Руки отмерзают, в рукавицах нельзя торговать. Так день и другой дрожь за прилавком, а на третий бегаешь по незнакомым магазинам и толкучке, что бы что-то купить детям. В то время город был для меня и таких же других колхозников большим горем. А горожанам я завидовала, как они одеты хорошо и чистенькие. А мы измученные, загорелые, губы обветренные, руки и щеки потрескались от ветра, часто облезала обмороженной кожей. Домой мы ехали на пригородном уже на легке и в теплом вагоне. По приезде успевали сходить в баню. А бригадир уж тут как тут, и сразу же на работу. Мяли лен, трепали в пыльных помещениях. И обратно нет дров и корма для скота, и начинаются все те же хлопоты. Только когда уснешь крепким сном, то успокоишься, но сон был не долгим. Утром рано еще лежа на твердых досках деревянной койки, все думала и планировала, что в первую очередь делать, когда встану. А работ и забот не перечесть. Все же по продуманному плану все делала, кроме колхоза. В колхозных работах была в подчинении, куда скажут туда и идешь. И чем больше я за день сделаю, тем больше испытывала удовлетворение. Летом опять в стахановские группы вливалась, и затягивали, даже если и не хотела. Но все же чем больше трудодней, тем больше получали. И еще хотелось себя показать, чтобы не слышать таких упрёков от Попова, что будешь там же где муж.

Ребятышки подрастали, стали больше потребности. Надо лучше одеть. В рваном в школу не пойдешь. Ося уже учился в Базов. Учился не плохо. Он там подучился маленько валенки катать. Своим меньшим братишкам и слепит. И как - то Селезневу Коле, моему крестнику, скатал. Многие удивлялись его способностям. Он за все брался с большой охотой, и

у него все получалось. И по дому для скота отгородить, огород загородить и валеночки подшить. Он как старший привык трудиться, и все у него получалось. Был постоянный непоседа. Он находил время побывать в кузнице, облазить все машины. Придет домой вымазанный весь в мазуте. Все называли его механик, ведь успевал. А Ванечка любил страшно лошадей. Он успевал вечером встретить тех, кто после работы отводил лошадей на пастбище. Садился верхом и сам отводил лошадей. В семь лет он уже стал ездить на лошадях хорошо. На сенокосе возил волокуши, а позже в уборочную возил жейку на третьей лошади верхом. Помогал и по дому, ловкий был на работу. А главное страстно любил малышей, своих и чужих. Смотришь, кого ни будь, посадит на лошадь и катает. А, увидев маленького одного на улице, обязательно сядет перед ним на корточки, и что-то говорит, говорит. Учился посредственно, но, как и другие, каждый год переходил из класса в класс. Меня в школу из-за них больше не вызывали. А Петруша, хоть и грубоватый мальчуган, но учился на диво. Учительница Зашкина Антонина Е. встречая меня все хвалила, всех моих детей, и мне это была единственная радость.

После смерти сестры Эдуард Иванович сразу же женился. Народились дети. Рос и первый от первой жены Анн, звали его Витя. Быть может, при родной матери он был бы человеком, но мачеха его совсем ненавидела. Как и Эдуард Иванович, он тоже не мог быть хорошим человеком. Так и Витя, не зная материнской ласки, а только побои от отца, который выгонял его из дома. Витя уходил из дома полурасдетый. Пока был поменьше, бродил поблизости от дома. Когда подрос, стал путешествовать дальше. Эдуард Иванович тоже был взят в 1937 году. И так этот мальчик совсем отбился от рук. Стал ходить по деревням, научился петь всякие частушки и плясать. Ходил рваный и босой. Стал доходить и до нашей деревни, люди дорогу указали. Часто проводывал и меня. Придет рваный и грязный. Я без слез не могла на него смотреть. Топлю баню. После мытья надо дать, что ни будь одеть и обуть, накормить. А он отдохнет и уйдет опять по привычке по деревням, потешать деревенских мальчишек и девчонок своими песнями и пляской. Научился курить. За папиросу он мог сплясать казачка. Стало ему лет пятнадцать. Стану просить, чтобы помог дров напилить, наколоть, говорит сейчас, тетка все сделаю. Он был старше моих детей. Пока я одеваюсь, он выйдет на улицу первым. Я выхожу, а Витя и след простыл. Ходит, уже у других занимается за папиросу и чтобы накормили. А если наелся, то опять уходил. Где была молодежь, ему там было веселей, хотя над ним смеялись и перепалало шипков. Проголодается и опять приходит ко мне. Скажет, давай тетка буду копать огород, сейчас весь перекопаю. Накормлю я его получше. Выходит, берет лопату, копнет раза два и говорит, что сходит закурить. Вот как пойдет и с концом. Меня не слушался, жил на обмане. А все равно шел ко мне. Стали люди приходиться ко мне с жалобой, Витька обидел ребятшек. Летом все взрослые на полях работают, а он зайдет в чужой дом, причину найдет и что ни будь да утащит. Позже стал залазить в окна, утащил сало. Стану ругать его, а он и говорит. Не говори тетка, что сало. Тут и так досада. Поворачивается и уходит. Какое горе он стал причинять мне и неприятности. Стал ругаться, угрожать, что подожжет всю деревню. Тогда ребятки палками гнали его из деревни. Он уходил, но вскоре опять появлялся. Почувствовал мою жалость. Как всегда приходил босиком и колени голые. Заявлял, что болен. Вот опять вечером топлю баню, собираю, что одеть. Штопаю штаны и все думаю, что с ним делать. Ведь и без него у меня хватает забот. А он отогреется, отдохнет и пошел, по деревне хулиганить. И опять жалобы до меня доходят. Я плакала. Как - то раз заявила на него участковому милиционеру, но мер никто не принимал.

Мама моя Фекла Ивановна жила дальше и Витя не доходил до бабушки, по-видимому дороги не знал. Да и нелегкая судьба была и у мамы. После того как она похоронила два мужа, пять детей и шестую замужнюю дочь Анно, и меня, выдав замуж, она осталась с тремя мальчишками: Саней, Ваней и Алешей. Она надумала выехать из деревни Верх-Уртамка. Конечно, не она придумала, а другие мужики, но она не хотела отставать. Они облюбовали в нескольких километрах удобный участок с расчетом, чтобы поля были близко и пастбище для скота. И вот шесть хозяев выехала как на хутор, назвали поселок Александровка. Мужикам не так уж трудно было перевезти свои постройки. А маме и мальчишкам досталось, особенно старшему Сане. Ведь он был за хозяина. В последствии они, правда, зажили хорошо, все было под руками. Зато отсутствовала школа. В школу они ходили в другую деревню, что отразилось на учебе. Зимой, в пургу и сильные морозы, нередко пропускали школу. И домашнее хозяйство отрывало от учебы. Очень жаль Саню, талантливый мальчишка был, все считали его очень умным. Он когда подрос ходил в ликбез, вечернюю школу для взрослых. И вскоре сам стал преподавать уроки взрослым. Молоденького его везде выбирали. На собраниях всегда сидел за столом, писал протоколы. Помню, даже еженощно Эдуард Бокан стремился с ним поговорить. Как-то пригласил его к себе и говорил, что слышал у Саши голова и поэтому хочет с ним поговорить. Но этой голове образования не хватало, но в последствии он добился своего

самоучкой. Женился он молоденький в семнадцать лет. До армии нажил два ребенка и с третьим оставил жену, уходя в армию. Ваня рос болезненным ребенком, все к нему приставало, учился слабо. Женился тоже до армии. Уходя на службу, оставил жену с дочерью. Меньшой Алеша учился очень хорошо. Переходил из класса в класс, даже через класс перешагивал. С пятого по седьмой класс учился и закончил за 25 километров. В шестнадцать лет окончил курсы учителей в Ачинске. Не забуду, какой он после окончания курсов, чуть живой, приехал ко мне. Увидев его, я испугалась, он был как скелет. Ходить прямо он не мог, не мог выпрямиться. Ходил в согнутом виде. Забила его совсем малярия и все экзамены трясла без милости. Но он все же сдал все экзамены и был направлен на работу учителем младших классов. Так как у нас в деревне не было больницы, я взялась лечить Алешу самолечением. Скоблила осиновую кору и заваривала, она очень горькая. Собирала весной муравьев, выжимала из них масло и делала натирание всего тела. После этого он бедняжка залазил на горячую русскую печь. Когда его начинало трясти, я его натирала и пила горькой хинной. Всю одежду скидывали на него и все ребятишки садились сверху, чтобы его излечить. Но не тут то было, и вместе с ним тряслись все ребятишки. Им было смешно, и они кричали, что поехали. А у меня слезы и я все думала, что же с ним делать. Спустя несколько дней я его с попутчиками отправила в село Вороново, где жил Сапа с семьей. Вот только там, с помощью врача, вылечили Алешу, и он опять приехал ко мне. Вскоре он принял школу в Базое. А мама, женившись таких молодых парней, скоро рассталась и с ним. Александр уехал в Воронцово, где стал работать мастером на маслозаводе. Позже стал директором, до службы действительной. Ваня работал продавцом в Кудиновке, где жили одни чувашки. А жена Тоня и мама работали в колхозе. Потом Ваня с семьей уехал в город Иркутск. Я не раз говорила маме, зачем разрешила им так рано жениться. Вот их и нет у тебя. Она отвечала, что они меня и так всегда слушались, и жалели, и я не могла им возражать в женитьбе. Алеша работал и маму взял к себе, они часто приходили ко мне горевать помогать. Потом Алексея перевели в Волкодаевск, где он заведовал школой, и мама с ним. В 1939 году призвали Алешу на действительную военную службу. Пришел Алексей остриженный и уже уволился из школы. Стала собирать провода. Здесь у меня прошла мысль отправить хотя бы до Томска Витю, от которого я уже так натерпелась. Посоветовали, что там его подберет милиция. Алеша сказал Вите, что тот будет служить военным и воевать. Витя сиял от радости, подобрал большую палку и говорит, пойдем скорей я буду бить Сталина. А в то время за такие слова быстро упекут, но с Вити спросу мало. Вот мы их и отправили. До Томска ехали вместе, а в Томске Алеша Витю покинул. Алешу отправили дальше. В деревне стало спокойнее, жалоб не слышу, страшная забота свалилась. Ровно через полмесяца является Витя. Стал он очень кашлять, жаловался на ноги. На них он и раньше жаловался, ведь ходил босой. Опять мое горе увеличилось, ведь он действительно болел. А дома не удержишь. Плясать и петь перестал. Походит, накурится вволю и идет греться на печь. У нас в деревне была его тетя по отцу, он и к ней заходил. Жила она еще бедней меня. Звали ее Салостей Мария. Работала на сушилке льна, топшила баню дровами. И Витя заходил к ней греться. И вот однажды Мария оставила его в бане одного. Сама ушла домой, а он грелся и уснул. Утром Мария нашла его уже мертвым. Сообщила мне, чтобы я его забрала. Вот еще забота, как похоронить. Все же человек, а не скотина. Опять заметалась, надо все организовать. Попросила лошадь, привезла труп домой. Мальчики боялись. Заказала гроб, надо капать могилу. Но тут проявила заботу молодежь, быстро вернулись с кладбища. На днях умерла и была похоронена девушка дурочка Улька Зашкина. Вот они, ни кому не говоря, откопали ее могилу и положили Витю с ней рядом. Без слез я не могла, жалко его было. Сколько он перестрадал за свои восемнадцать лет и все из-за отца пьянчуги.

После того как Алексей Алексеевич остался служить, мама переехала ко мне. У нее была корова. Я довольна, что все же поможет мне с ребятишками. Да и с молоком, у нас теперь стало две коровы. Хлеба мало, так картошка и молоко составляли основное питание семьи. Замучилась ее чистить и выдумывать разные блюда из картошки. И в кашинку толченую и тертую толкали, муки совсем мало подмешивали. Когда садили в печь, булки разваливались. Тогда мама делала их маленькими и каждому по одной, как кто хотел. Хоть за день скушай, хоть за два дня. Хлеб стряпали через день. Однажды, придя домой я нашла детей в слезах. Плачут и жалуются, что ноги и руки стягивает, и они не могут залезть на печь. Когда я расспросила, что они ели, отвечали, что бабушка заставила размолоть на жерновах отходы травы. Жернова Ося сделал сам из двух чурок. Набил из чугуна осколков, которые забил в чурки. Так и размолоти. Бабушка на молоке настригала лепешек, и они наелись. Мне стало ясно, что они наелись семян травы жабрей, которые попадали в отходы. Для наглядности, взрослые за шпугом даже не могли ходить. Однажды Осипова Дениса нашли на полюсе, у шпуга валялся. Я ребятишек засадила на печь. Все они отлежались и больше уже жабрей не размальывали. Лучшие за все лепешки любили из гнилой картошки, которая оставалась в земле не

чисто выкопанная на зиму. Весной, растаяв, мерзлая картошка быстро сгнивала, а крахмал оставался. Вот и собирали по полосе серые комочки, мыли и толкли в ступе. Из этого стряпали лепешки, и ели за милую душу. Сначала было даже страшно, но потом привыкли. Однажды Ваня объелся, и долго потом даже не смотрел на них. Да с бабушкой ребятишкам стало лучше, они ее так любили, слушали, что она скажет, все делали. Она любила делать все сама и их заставляла. Приходя с работы, я всегда видела новую работу. То загородили садик под окном, посадили цветы. Она цветы уж очень любила. А мне не до цветов. Живые цветы надо было растить, это детей. Бабушка цветы садила, поливала, разводила разные хорошие сорта. Многие приходили за семенами и любовались ее цветами. Она все что ни будь да придумывала. Ося делал для пряжи мотовило и разные кружки. И уже не нахвалится, что они слушаются, и все могут сделать. Особенно у Оси золотые руки, говорила она, за что возьмется, то и сделает. И он действительно всегда все делал с охотой и еще спрашивал, что нужно сделать. Да, ребятишкам с бабушкой стало лучше. Аня была любительница танцев. Вечером, когда наступали сумерки, она скорее приглашала бабушку на танец. А бабушка отвечала, куда уж мне, я уже сгорбилась, согнулась. А Аня тянула и говорила, пойдём танцевать, там и выпрямишься. По приходу с работы я выслушивала все новости и на минуту разведала свое горе. Ребятам стало лучше, а мне не совсем. Колхозные работы сваливались на меня все больше и больше. Знали, что у меня дома есть кому присмотреть. Работаю в день, не покладая рук и в ночь на очистку зерна, молотьбу, скирдовку снопов. Все эти работы делались ночами. И лен был моей заботой. Снять, что бы под снег не остался. Если лен, бывало, оставался в зиму до весны, то пропадал. Поэтому всегда старались лен снять. Другую осень бывало снег навалит и приходилось вытаскивать его из-под снега, боялись, что не растает больше. А если останется, то отвечала я и обвинялась, что затянула до зимы. Всю зиму напролет опять возились со льном. А летом полный световой день, от зори и до темна, на поле. И все стахановские движения. А ночью как разбитая старуха. Не повернуться с одного бока на другой бок так болели руки, пальцы мертвели. Ведь надо было каждый день тысячу снопов связать, не только завязать. Вязки стали подвозить готовые, которые старухи дома крутили. И мама крутила по 1000 вязок. За это писали один трудодень. Вот мы берем сто вязок, привязываем их к поясице на спине, все разом пять человек, и идем за жнейкой. На ходу хватаешь вязку, раскручиваешь, расстилаешь, хватаешь руками из-под жнейки неровную, колючую с жабреем и осотом пшеницу. Снабчиваешь, кладешь на вязку и связываешь. Крутом обдергаешь, чтобы не осыпались колосья, и ставишь в суслон. Берешь грабли, быстро подгребаешь и согребенное в другой сноп втиснешь. И так сто суслон, тысяча снопов каждый день. Вечером бригадир считает, принимает работу и через шесть дней дает выходной. А в выходной своих дел уйма. Мама ругает, стахановки долго не живут, оставишь на мою головушку пятерых детей, что я с ними буду делать. Пусть стараются девушки, с которыми ты работаешь, у которых детей нет. Они молодые, здоровые как Бондаренко Настя, Запкина Анюта, Иванова Фекла. А Желудева Евдокия и ты матери шестерых детей и на здоровье жалуетесь. Брось ты эту стахановскую работу, побереги себя, ведь тебе воспитывать детей. Но я почему -то не могла уйти из стахановской группы. Иванова Фекла ушла. Вот и все смеялись, что не выдержала, расписалась стахановка. Поэтому я и не уходила, все хотела доказать, что я не жена врага народа, а честная стахановка труженица колхоза. Постепенно отношения становились лучше со стороны правления и сельсовета, особенно со стороны райисполкома. Я была на счету лучших, приглашали на слеты стахановцев. Не раз награждали похвальными грамотами и выделяли премии, давали товаром. Как-то выделили искусственного шелка на платье и шерстяную юбку, которая была размером мала. Впоследствии сносила ее Аня. И на костюм вырешили отрез. Это я сама сшила и сносила. Наверное, по этому мне и нельзя было уйти из стахановской группы. Все меня знали и кажется, считались со мной. А тем временем здоровье ухудшалось, но кажется, никто не верил и не понимал, и не кому было пожаловаться. Надо было тянуть лямку. Одна была задача воспитать детей, жиг для них. Цель одна учить детей, что бы они ни мучались так как я. И еще все учились не плохо и работали в колхозе летом и дома все помогали. И я ждала и надеялась, что скоро будет легче. Дети подрастали, но судьба ни чем не радовала.

1941 год.

Над страной нависла черная туча. Неожиданно услышали в своем глухом уголке грозную, страшную войну. С первого дня войны ушли наши мужики, которых и так было мало. Двенадцать человек только было взято в 37-38 годах. Остались старые да малые и женщины. Все работы, все тяготы легли на плечи женщин. Пошел на фронт и наш кладовщик Зенков Елисей. Вот общим собранием выбрали меня заведующей складами, кладовщиком. Я не давала согласия и боялась своей неграмотности. Ведь на меня ложилась большая ответственность, все

доходы и расходы проходят через колхозные склады. Но меня заставили, и я согласилась. Посчитала, что с моим подорванным здоровьем здесь будет легче. Но легкого мне мало доставалось. Мама не управлялась вязать мне рукавички. Толи от ключей они рвались, всегда открываешь и закрываешь амбары, а больше от работ. Рабочих на очистку зерна давали мало, да и на другие разные работы то же. Вот просит, просит, их Попов, а потом скажет иди возьми для работ таких то и таких. Пойду. Не всякий раз возьмешь домохозяйку на работу. То стирает, то заболела. Кто чуял защиту мужа, уклонялись от колхозных работ. Вернувшись, берусь сама за лопату и савок. Надо очистить закрома и проходы, надо побелить. И в обработке зерна рабочих не хватает, берусь сама за ручку. Крутили все в ручную клейтон, веялку, ветрогон. Тут везут зерно с полей, принимай Межецкая. Тут на сушилку отправляешь, из сушилки везут. Отправляешь семена, сеять рожь. Отправляешь хлеб в заготзерно за 25 километров в Батурино. Управляйся только вешать и записывать, сколько центнеров, сколько мешков. Пишу накладные приходные и расходные. Акты на усушку, на отходы, рабочих, кто сколько сделал, чтобы начислить трудодни. А тут идут с требованиями на руках. Кому выписано мясо, мед, мука, сало, хлеб печеный. Печеный хлеб получали только трактористы и приезжие уполномоченный, районное начальство. Тут подъезжают, кричат принимай зерно, другой просит овес на дорогу отпустить. Конюх идет, отпусти скорей лошадям для подкормки, Межецкая не задерживай. А Межецкая и так бегом, только ключи звенят. Одних только мешков напередвигаешься с рук на руки. Кто получает, возит от комбайна, кто по отпуску, кому надо на сушилку, кто сдает. Мешков пятьсот, чтобы не растерять, нужно записывать и не управишься. Много надо в голове держать и по первому требованию сдать отчет. Были и такие людишки, если не спросишь, то присваивали. Поняла я, что здесь нужна память и память. А осенью, когда молотба, зерно привозили и ночами. Мне не было времени сходить домой поесть. Так мама отправляла с ребятишками мне еду. Зерно поступало сырое, маленько не доглядел и зерно начинает греться и быстро портится. Поэтому я иду в колок и нарубаю осинových палок. Втыкаю эти палки в набитый до краев загром, потом проверяю. Если палка становилась теплой, то зерно надо разгрести тонким слоем, куда думай. И если кто узнает, то Попов живьем заест. Вечером беру лопату и начинаю лопатить. Остужать зерно и рассыпать тонким слоем в поту, и страсть ответственность велика. Денежные доходы колхоза все проходили через мои руки, я и кассир. Боялась за свою граматешку. Если у меня выпадал свободный вечер, беру всю документацию домой и сижу, сижу до поздней ночи, проверяю сама все оны и все документы. Я себе верить не могла и еще и еще раз пересчитывала. Завела себе маленькие счеты, научилась на них считать. Мы с Кондратенко Павлом не один раз делали ревизию, а тут сама подотчетная. Тут то я не раз сожалела, что я малограмотная. Мне бы не пришлось пересчитывать по несколько раз и сидеть ночами. Год проработала. Ревизия оценила работу, недостача была законно маленькая. Особенно мешков как не у кого недосчитались мало. До меня кладовщиков сменилось много и после много. У всех была недостача, особенно меда, шерсти, мешков. Я привыкла к работе и не смела, взять и грамма. Мама всегда говорила, работай честно, а то попадешь и не вылезешь из тюрьмы, детей осиротишь совсем. Зимой обрабатывали семена. Правда, до ползими все молотили. Машины молотилки ломались и трактора старые без запчастей. Да и трактористы не опытные, молодые. Сами мучались, мерзли зимой и людей морозили. Поэтому молотба и затягивалась. Мешки с зерном таскали женщины и подростки лет пятнадцати-шестнадцати. Восемнадцатилетние уже были взяты в труд армию. Весной, когда закончим посевную, начинается сенокос. Я утрами должна всем выдать, кому, что надо. Днем иду сено метать, а вечером опять на складах работаю. А поздно вечером в конторе сдаю работу для начисления трудодней. И частые заседания правления, где и мои акты разбирались на потерю мешков и прочего. На сон времени оставалось мало и то приляжешь, и все думаешь, как бы на работе не пролететь, о детях. Выслушаешь жалобы от детей, от мамы. А тут еще военный заем добавился. С этими налогами еще не рассчиталась, часто вызывают, проверяют квитанции. А как время идет. Не управился с одним рассчитаться, другое платить надо. У кого мужья есть, они помогают со всеми делами. А тут все на одну голову, и мужские, и женские дела. Как-то приезжал уполномоченный по распределению военного займа. Нас ночь продержали в конторе, домой не выпускали, пока не подпишем, сколько он хотел. Ох, как мы плакали и подписывали непосильную сумму. Ведь семья полурядетая, полу разутая. Тут стали похоронки в деревню приходить, плач раздирающий душу, причитания. Да и свои три брата на фронте, пока пишут, надо найти время ответить и ждать с нетерпением следующего письма. Какие переживания были за других и за себя.

Аня еще училась в Кожевниково, тоже писала трогательные письма. Без слез нельзя было читать. С учебкой у нее все было хорошо. А с квартирами плохо. А с питанием очень плохо, что это 200 грамм хлеба в день. И опять боль моего сердца, что послать. А главное как

послать и с кем на себе не унесешь. И опять прислушиваюсь, кто поедет по колхозным делам и когда. Иной раз проходило много времени и нет пути туда, жалко до смерти девочку. Думаю, замрет с голоду и бросит учиться. Но она была терпеливая, и все переносила, и дожидалась передачи, писала хорошие письма. Ося и Ваня учились в Базое, бегали каждую субботу домой. А в воскресенье как всегда нагружались продуктами, взваливали на плечи и вновь отправлялись на учебу. Петя и Слава дома ходили в свою деревенскую школу. Но зато по субботам и в воскресенье все вместе. Бабушка не управлялась готовить, все подбирали. Часто она говорила им, не тряситесь вы так, а то много едите. А у меня выходных не было и отпуска тоже. В колхозе вообще отпусков не было ни кому и ни когда.

Колхоз имени Буденного когда-то занимал первые места, теперь стал чуть ли не отстающий. Рабочих рук не хватало, тяговая сила тоже облабла, вернее, заездили совсем. Много лошадей пало от истощения. Завели несколько быков. На них работать было очень муторно, они ленивые и уросливые. Да и работали на них подростки, избаловали на нет. Если раньше колхоз план выполнял и перевыполнял, то во время войны не выполнял. А раз план не выполняли, то и сдачу зерна с гектара по доведенному плану выполнить не могли, и на трудодни ни чего не оставалось кроме отходов. Заставляли снова отработать и сдать государству, так как план должен был быть выполнен. Не справедливо и план посевных площадей доводился до колхозов, брали, смотря на потолок, или кто везет, на того и кладут. Доводился план и на тракторный отряд. Но трактора и все машины были не к черту, одно старье. И поэтому тракторный отряд свой план выполнить не мог, и приходилось общий план выполнять вручную. Пахали на лошадях, сеяли вручную. Боронили на быках, убирали жнейкой самосброской, а больше серпом и литовкой. Молотили барабанной молотилкой. Позже, правда, получили старый комбайн. На нем больше мучались сам, чем молотили. И лошадей загоняли в МТС (ремонтно-тракторная станция), которая находилась за 15 километров в Чилино. А если мало стали получать колхозники, то стали и работать хуже. С налогами многие не могли рассчитаться, попадали под конфискацию скота. А без скота не было и жизни, не было и питания. Меня правда поддерживала мама своей коровкой. У нас, их было две и молока хватало, хотя и сдавали по 220 литров с коровы. Картошки садили много, огород-большой 60 соток. И на поле садили соток десять. Копать приходилось, кто как сумеет. Мне мама с ребятами днем копали, а я ночью раскладывала костер на огороде и носила картошку в подпол и погреба. И так мы ежегодно запасались питанием. Из картошки делали разные блюда, жарени, парши. Толкли. Терли на терке. И в кашню толкали сразу по ведру, а муки чуть, для связи. Получался хлеб тяжелый, мокрый, но с молоком шел за милую душу. Правда жабрей не стали есть. Я по прежнему трактористам продам кожи самодельной, а они мне пуд муки. Только трактористы получали на трудодень по два с половиной килограмма хлеба и деньгами. И вообще механизаторы получали хорошо, но они и мучались хорошо. Поэтому наш председатель колхоза Попов Федор Павлович с ними имел тесную связь. Устроил свою дочь, хотя не родную мою крестницу Валю, в тракторную бригаду учетчицей. Сам выписывал механизаторам по твердым ценам масло, мед, мясо и тому подобное. А ночами они пьянствовали, мне было все видно, так как я выдавала продукты. А зерно прямо с полей увозили, и я молчала, все боялась разоблачить. И с районным начальством он также действовал. Попов чувствовал себя в колхозе как царь и бог, защиту он имел. А мы бедные женщины, знали только работать, да от его грубых нападенний плакали и все его боялись как бешеного пса. С похмелья у него глаза были всегда красные, кричал громко, матерился безграмотная тварь. Кто его поил, или женщины, которые пускали его на ночь, к тем отношения с его стороны были совсем другие. Но меня он не мог ни чем свалить, хотя и делал попытки. На все я была против его беззакония, и хотелось ему метить. Но как одной бороться против многих. Кто был за него, вместе пили и вместе хлеба тащили. А как обидно честному человеку смотреть на расхищение колхозного добра.

Стали возвращаться с фронта раненные. Пришел Ивкин Иван без одной ноги. Пришел Григорьев Федор без руки. Пришел Южаков Лаврентий хромой на костылях. Отдохнули и потребовали себе легкую работу. Правление колхоза ушло их ранения. Ивкина Ивана поставили кладовщиком, Григорьева Федора учетчиком в тракторный парк. Южакова Лаврентия животноводом на ферму, а меня бригадиром полеводческой бригады. Как мне не хотелось братья за такую беспокойную и ответственную работу. Рабочих мало, тяговая сила слабая, народ работать не хочет. Я отказывалась, ссылаясь на плохое здоровье, но на собраниях все кричали Межецкую, Межецкую. Только она способна иметь подход к людям, хозяйственная, умная женщина, два года проработала на складах, и всегда у нее порядок, и недостачи не было. При голосовании руки все как одна поднялись. Мою просьбу о самоотводе и слушать не хотели, по-видимому не верили в мое плохое здоровье. Я день думала, не принимала бригаду. Меня вызвали в контору, и Попов пообещал золотые горы. Что пешком не

будешь ходить по полям, а запряжешь лошадь. Вручную на жерновах молотье не будешь, а поедешь на лошади на мельницу. Возить на санках и быках дрова и корм не будешь. Давай будем работать, надеюсь, сработаемся и уговорил. Приняла лошадей и упряжку, сани, телеги, сбруя все было за бригадиром. И люди, и корма для лошадей, сено, фураж. Был у меня и амбар для сбруи, где висели хомуты, шпел, седелки, кучи веревок списанных и новых. Отвели мне старую контору, что стояла в задах, возле складов. В этот дом настлали нары, на которые, набросав сена можно было отдыхать во время посевной подработчикам, так как надо было очень рано вставать. Тут же рядом база для лошадей, где конюхи должны их кормить четыре раза в день. И вот закрепили лошадей за мальчиками, я собрала их ночевать в старую контору. Утром иду проверять, накормлены ли лошади. Чуть рассветает (часов не было) иду будить своих рабочих. Один встал сравнительно не плохо, а других будю и не разбудю. Первые вставшие начинают помогать будить остальных. Иного за ноги с нар стащат, а он спит. С трудом отправишь их в поле. Иду, сама скорей к председателю в контору заниматься нарядами и составляю список на другие работы, кто и куда должен пойти на работу. И под каждое окно разъясняешь. Ты Григорьев и Петров сеять будете в ручную, а ты семена возить, а ты сено возить, а ты дрова на ферму, а ты телегу ремонтируй и хомуты и бороны. Всех женщин на переборку картофеля, кого стричь овец ножницами, кого шить чурочку для трактора, кто на очистку полей от старой соломы и т.д. и т.п. Кажется, всех выпроводила на работу и сбрую выдала из амбара, бегу завтракать. Времени уже много под ложечкой совет. Не успела сесть за стол как посыльный под окном. Меженская в контору Попов зовет. Еще даст наказ, вспомнил, велит скорей идти в поле, проверять все ли на местах и кто не вышел на работу. Затем надо доложить ему. И за качеством надо смотреть, а то научились мухлевать. Делают огрехи в пахоте и боронят через борону оставляют не бороненное поле. Вот я уже на поле. Солнце пригреет. Застаю, сидя на бороне, спит мой бороноволок. Дальше другой, разбудить. Поехал дальше, третий намухлевал, мелко паплет и делает огрехи. Начинаю убеждать, что работу не приму и Попову доложу. Начинает плакать, мол, больше не буду. Пока всех обойду по мягкой пахоте, обувь землей насыпшется, тяжелая. Иду и на другие участки. До обеда всех дожна обойти и на базе и по хозяйству. Под вечер берешь сажень и опять шагаешь по полям, замеряешь, кто сколько сделал. В то время работали по одиночке. Сколько засеял, сколько вспахал, сколько заборонил. И во время прополки, сколько прополкал. В сенокос, сколько скошил и огреб, сколько сметал центнеров. Во время уборочной, сколько выжал жнейкой и вручную. Все должен был учесть бригадир. Вечером данные несешь в контору и сдаешь учетчику-инвалиду для начисления трудовой. Мои ноги болели, по ночам спать не давали. А на лошадке проехать не приходилось, лошадей мало и так в график пятидневный не укладывались. Правда, в сенокос и во время молотья, когда люди работали разбросанные на большие расстояния, мне разрешал Попов брать производителя Скворчика. Я садилась в седло и объезжала всех. По приезду всегда находишь всякие недостатки. То людей не хватает, кто-то заболел. То веревок не хватает или порвались. Устранив возможные недостатки, летишь домой, т.е. в деревню найти человека для пополнения. Особенно молотья требовала много людей. Вот однажды на обратном пути, мой Скворчик как сдурил или испугался чего. Понес галопом, сколько у него было мочи. Ростом он был высокий, на ходу прыгнуть дело рискованное. И увидеть я уже не могла. У него цель была сбросить меня, он то и дело подбрасывал задом. Или это он делал играючи? Он бавовался километра три. Он меня нес вихрем, и все подбрасывал, я крепче только пальцами вцепилась ему в гриву. Подъезжая к базе на большой скорости, он не попал в ворота, а мимо. С этого дня я больше не садилась на Скворчика. Да и седло у меня Ванечка потерял. Как-то он все верхом работал, жнейку таскал и разбил себе всю задницу. Я ему и дала седло. На обед они распрягли лошадей возле сздовой дороги и украли у него седло. Всю зиму работы хватало, мучила лесозаготовка. Скандал был набрать людей и отправить. И по колхозному хозяйству работы много. Надо все фермы обеспечить рабочими и кормами, и дровами. Обработка льна и личное хозяйство требовали тягловой силы. Единственное мне облегчение, я на лошади привозила сено, дрова и редко молотла вручную. Но и мельница осталась у меня на долгую память. За 10 километров была водяная мельница. В этом году мы хлеба получили больше, урожай был лучше. Некоторые говорили благодаря новому бригадиру. И вот меня Попов отпустил на мельницу. Я запрягла Серебрянку, она не была ни за кем закреплена, положила пять мешков зерна и поехала. Присезжаю, а там очередь образовалась. Да еще и колхозы и сельпо подвезают, а они всегда размальшуют вне очереди. В тот же день началась метель такая, что не видать ни земли ни неба. Люди, сидя в тесной избушке, рассказывали как всегда сказки и не обращали внимания на бурю, не скушали. Много оказалось и женщин из Базоя и мужчин, которые меня знали. На совещаниях были вместе и на слетах стахановцев, неоднократно беседовали. Даже пожилой мельник обратился ко мне с некоторыми вопросами. Он говорит, что

слышал обо мне как об умной женщине и я должна ответить на некоторые его вопросы. Время шло. Только на третий день подошла моя очередь. А метель свое дело делала, замело все дороги. В село Базой попасть было легче, место повыше. А к нам в Поссинье три километра погом и лесом, а там снега нанесло со всех полей. А ехать домой надо, там и так заждались. Вот пустилась я в путь, а дороги и следа нет, и ни кто не едет в такую погоду. С начала моя Серебрянка ногами нащупывала дорогу и брела, а потом сбилась с дороги и воз обрезался. Сапи на бок. Тогда мешки выгружала на снег, найдя дорогу ставила сапи и опять мешки складывала. Потом сама шла вперед, ногами нащупывая дорогу. Несколько метров и опять теряешь дорогу. Выбились мы из сил. Несколько раз перекидывала мешки вся мокрехонькая от пота и снега. Да и кобыла выбилась из сил. Одно было утешение — слезы. Сидела на возу и думала за чем я родилась на свет. К ночи я все же приблизилась домой. А дома мама заболела от горя, что меня нет уже три дня. Ходила в контору, просила, что бы меня поехали искать. И посмотрелась, как мужчины прямо у нас под окнами не могли проехать такие сугробы и просили лопату откапываться. Тогда и каялась, лучше бы я молчала на жерновах. Ведь не долго было, и замерзнуть, сбившись с дороги, да еще и ночью. Да просвету не было. Горе, тяжкие работы, неприятности, болезни, беспокойство вечное. Казалось, этому всему не будет конца. Осенью, перед седьмым ноября колхоз всегда устраивал праздник, и всегда нагружали меня в подготовке. Для этого отпускали с работы. Я должна была наварить пива ведер двадцать из ячменя, то есть из солода. Старушки подготовили солод. Я в течение трех дней наваривала пиво. Оно всегда удавалось, получалось сладкое и пьяное. Варить пиво меня научила мама. Хмелели все быстро. Седьмого все колхозники собирались в конторе, где было приготовлено всякое кушанье другими женщинами. Избиралась комиссия для проведения праздника. Я всегда попадала в комиссию. Забот хватало. Немного покупали водки на первый день, хоть мужчинам по стопке. А на другой день ни грамма водки. Все были пьяные, пели, плясали, меня на руках качали до потолка за хорошее пиво. Приезжал и председатель сельсовета Иван Васильевич Бобровский. На третий день все похмелялись, и опять все пьяные без водки.

Пиво варила без сахара, правда, на двадцать ведер спускала пять килограмм меда для аромата. Отшумев, опять брались за работу. Только и было просвета у людей в жизни, что похмельствовали. Не было ни дома культуры, ни кино. Правда, изредка привозили и показывали немое кино. Ребятишки кричали под окна, кино приехало, кино приехало, скорей идите. Вечером после тяжелого труда и не хотелось шевельнуться, скорей бы до постели. Еще обычай водился ходить на проводки к родиче. По этому случаю правление даже ячмень отпускало на пиво. Гнали и самогон. После работы шли в первую очередь женщины. Их садили за стол. Приходили все с узелками со всякой стряпней. Потом хозяин бегал за мужчинами. За другие столы садились мужчины. Нельзя было мне не пойти, ибо ко мне приходили и я была в долгу. И это казалось единственным развлечением. Была и гармошка, пели, плясали, танцевали. Меня всегда мужчины приглашали. Были такие, кто по пьянке объяснялся в любви. А после гулянки их жены разводили сплетни. В глаза не могли сказать, ибо я повод на это не давала. Когда да меня доходили эти сплетни, я терзалась и плакала по ночам. Все думала, а как же мне себя вести, что бы ни ревновали те счастливые кому счастье надоело. А мне белый свет не мил. Часто репала не ходить ни куда больше. Но опять настойчиво приглашали в гости. Говорили, обращай внимания, извинись. Часто плача думала, где же ты Зигмунд Викентьевич. Не знаешь, какое у меня горе и знала, что горе у него было не меньше. За что страдали честные безвинные люди и несчастные дети, слыша от всякой шантрапы, жены врагов народа и дети врага. Ох, как было страшно и обидно. После я уже не стала слышать такие упреки. Все относилось ко мне хорошо и вышеше начальство, чувствовала какое-то уважение. Часто приглашали на совещания в район и М.Т.С. и в сельсовет. Ставили меня в пример другим бригадирам мужчинам. Просили выступить и поделиться опытом. Предлагали и крепко уговаривали стать директором М.Т.С. Просили работать директором колхоза в новой деревне за Чпшино. Но я боялась, что при первой ошибке мне припишут как жене врага народа. Хотя мне этого уже не говорили. Призвали и Попова на военную комиссию. Я осталась одна за бригадира и председателя колхоза, работы по горло. Хотя председателем числился старик Петров Александр. Но он такой смиренный и не опытный. Придет утром в контору и говорит, что Межеская будем делать? Опять мне все одной. Ну а он печать ставил на документы. Через неделю вернулся Попов. Полмесяца поработал, и его опять призвали. Делали ему оперативно, удалили грыжу. Теперь мне в председатели дали Григорьева Михаила Г. малограмотного старика. Он был специалист по хозяйству. Хороший труженик, а опыта руководителя нет. И опять, Межеская, что будем делать. Шла горячая пора, уборка, сдача хлеба государству. С выполнением плана мы приотстали. Я попросила Бозойскую школу на помощь и выпихи из положения. Вызвали нас с Григорьевым на сель исполком и его беднягу так ругали. У него была

пословица « ни чел, ни чех исправимся.» А там ему говорили, ты тесней свяжись с этой женщиной, ты волк в овечьей шкуре. Мне его даже жалко было. А дочь Григорьева Маруся говорила, что Межецкой хорошо работать, ее все уважают и любят, все ее слушают и выполняют ее приказания. Меня слушались, но были и твердолобые подростки. Такие как Сулимов Женька, Запкин Володька. Особенно любил огрызаться Кулешов Петр. Огрызаться огрызается, а сам пойдет и выполнит задание. На фронте погиб и старший их Иван. Мать, Кулешова Ольга получив две похоронки голосила, падала в обморок. Собирались соседки, отливали ее холодной водой, успокаивали бедняжку. Ее муж Кулешов тоже был взят в 1937 году. Всего у них было восемь детей. Три сына и пять дочерей. Младший сын Коля, был такой хороший мальчик и покорный. Мне он очень нравился, хоть в огонь пойдет. Жолудевы ребята все были хорошие, все поручения выполняли безукоризненно и дружные.

После операции Попова опять отсутствую, на несколько месяцев и он опять стал работать. На третий раз забрали, но служил не долго. И опять мне зубатиться с ним. Я набралась мужества, не стала плакать, а стала давать справедливый отпор. Меня поддерживали многие и говорили, что права во всем. Вернулись и еще фронтовики из труд армии. Стали зубы точить на Попова и задумали его свергнуть. Но они не знали, как крепко сидел он зашпиленный. Обращались они и ко мне. Межецкая, ты больше всех знаешь его проделки, как их вскрыть. Ты была в ревизии и работала рядом столько лет. И я решила за все свои слезы тоже его свергнуть. Стала подсказывать его проделки и связи, знала документацию, его полученные деньги за чурочку от М.Т.С.. Подобрали материалы вынесли на общее собрание. Поступило предложение отстранить от работы. Проголосовали. Большинство голосов за снятие. Намекали на должность председателя партийного фронтовика Артемьева Николая П. Но Попов печать не отдавал. Он связался с районом. Выехали и провели собрание, выступили, защитили. Темным колхозникам доказали, что нет веских причин для снятия. Работник опытный и пусть работает. Проголосовали. За Попова преысили на один голос. Он остался председателем. Разъяренный зверь мстят всем кто был против него. И я ждала, что он меня живьем съест.

Как-то летней порой я направила Ваню с колхозным зерном на мельницу и чтобы себе положить мешочек зерна. Так как все лошади были в разгоне, разрешил Попов взять Скворчика. Ваня уехал и размолот зерно на муку. Накормил жеребца овсом и напоял. Вот дорогой обратно Скворчик заболел, раздуло его странно. Как проехал он 10 километров. Дома скорей распряг, а ветеринара не было. Кто-то посоветовал гонять его, и гоняли, пока не упал и не пропал. Вызвали ветврача, признали коня перекормленным. А у него была болезнь, он уже задыхался, хрипел, были приступы как астма. Попов сразу сказал, что отнести на счет Межецкой. Оценен он был на 7 тысяч. У меня всего хозяйства на эту сумму не было. Опять у меня горе страшное, переживание. Составленный акт за подписью ветврача вынесли на обсуждение общего собрания. Попов гордо драл, выступал, чтобы восстанавливать за мой счет.

Но были и люди, которые смотрели справедливо, и знали, за что Попов мстит. При голосовании большинство выступило, что коня был большой и его необходимо списать. С меня как большой камень свалился. У нас с Поповым ненависть к друг к другу, а работать приходилось вместе. Иногда он подделывается и так же спрашивает и соглашается с моим планом. Старается и что-то сделать хорошее. Как-то в сельно договорился выделить костюм для Оси, трудно в ту пору было купить, что ни будь. Но Попов тут же и загуляет. Как то поехал в село Базой и загулял. Сутки нет его. Мне передают Попов зашел, хвадится, что у него бригадир надежный и ему можно гулять. Все будет в порядке. А у меня тысяча дел. Уполномоченный сидит подгоняет. Отгрузка, сдача зерна. Телеги ломаются, лошадей не хватает. Уборочная горячая пора, а он ночь с трактористами пьет, и лошадь без меня посуяли на личные нужды. Я хвачусь, нет лошади и телеги. А их и так не хватает. Наконец заявится, глаза кровью налиты. На каждого кто под руку попал, кричит, матерится. Доходит и до меня. Почему мало отправил на отгрузку зерна в Батурино, где у тебя телеги. Мои объяснения он не слышит, пока не накричится до хрипоты. А сам лошадь с упряжкой отдал и не помнит, по пьянке. Ох, как он мне надоел, как я устала от такой беспокойной жизни. Стала часто болеть, а веры не было. Нога распухла. Тогда получила больничный на три дня, и еще на три. А за мной посыльный. Попов вызывает в контору. Если я отказывалась, он вызывал Мочалова, и угрожал, и уговаривал по-доброму, убеждал выйти на работу. Работала за меня Григорьева Поля неделю. Бегала она быстро, молодая, бойкая. Но люди ее не понимали и не слушались. Стремя сердцем опять выхожу на работу.

Аня закончила 10 классов. Надо думать, как продвинуть дальше и куда. Я твердо решила пусть идет в медицинский институт. Может быть потому, что у меня здоровье ухудшилось. Я ее отправила, она успешно выдержала экзамены и была зачислена на первый курс. Общежития не было. Она сама нашла маленько знакомых Базойских Адрофеевых. У них

была одна комнатка на троих и Аня четвертая. Стоял столик, одна койка, где спали молодожены и бабушкин топчан у порога. К топчану на ночь придвигали скамейку, и Аня спала на ней вместе с бабушкой. Комната была очень холодная, но люди были хорошие. Заниматься Аня ходила в библиотеку. Ося, Ваня и Петя учились в Вазое.

Да еще из-за Вани сколько пережила. Как-то направила бригаду на сплосованье под Езовск. Ваня как всегда работал на лошади, и другие подростки возили на телеге снос в трапезню. Вот мой Ваня запряг лошадь, и я с ним села на телегу, чтобы проверить. Поехали. По пути догоняем Чухнову Луншу с граблями. Идет сгребать силос. Я Ване говорю, останови лошадь, и возьмем тетю Луншу. Она пожилая, да еще и сродни. Ваня мой не останавливает, а понуждает. Я выхватила у него вожжи и попросила Луншу сесть. А Ваня прыгнул с телеги и пошел обратно в деревню. Сколько я его не звала, все бесполезно. Мне задача, где брать возчика. Сделала перестановку, нашла и возчика. Когда я пришла домой, Вани не было. Вечером он не появился. Прошла ночь, а Вани нет. Утром побежала на поиски. Спрашиваю у друзей, никто не видел. Вторая ночь меня совсем погрязла. Представьте, ребенка нет две ночи и где искать и когда у кого спрашиваю, никто его не видел. Тут я совсем думала с ума сойду. Вдруг встречаю из тракторной бригады и узнаю, что Ваня там, на границе катается и там его кормят. С трудом мне пришлось его приотить, наказать заслуженно не могла, боялась, повторит оп. Но больше не повторялось. Я даже и теперь думаю, в чем я была не права. Ваня и взрослый меня обвинял, а я не понимаю в чем. Одно знаю, недостаток в воспитании.

у меня не было времени на ласку, на убеждение. Быстрее мне, хотя и не часто помогал ремень. Вот моя вина. В душе я переживала и безмерно жалела и жила только для детей, не искала других увлечений и мужчин. Хотя успехом пользовалась. Аня на зимние каникулы домой редко могла попасть. Так как от станции Ояц пешком идти еще 60 километров и встречались обозы деревенских мальчишек, которые возили горючее. Встретив или догнав, они толкали в снег и хлестали бичами. Летом она приезжала пароходом до пристани Батурино. От нее пешком 25 километров. Но тут с парохода сходили многие, были попутчики, шли, и другие студенты которым удалось бежать на учебу. Учились две Аниных подруги на медсестер. Осиповы Маруся и Нина. Некоторые учились в техникумах разных. Летом не успели приехать, утром Попов вызывает в контору и просит завтра же выйти на работу, угрожая, что он запретит ходить по колхозной земле. И выходили все на село мотку. Парни с вилами, девчата с граблями. Вечером имели право танцевать, гулять по улице. Выходили за деревню, в березовую рощу рядом с деревней. Очень природа была красивая, цветов бала уйма, аромат цветов обдавал до ошляения. Одно лишь комары гнали домой, тучею вились кругом, создавая музыкальный писк. Днем их было немного меньше.

Через год и Ося стал студентом Новосибирского индустриального техникума. Он мог фотографировать и всегда носил с собой фотоаппарат. Большой любитель в разных позах делать фотографические снимки. На работе, в лесочке, в деревне. Очень красивые видочки получались, груша колхозников, где я на стогу и мужчины с вилами и женщины с граблями, и быки, и телеги, все схватывал на ходу. За 9 километров была тайга богатая кедровыми орехами. Один день в августе отпустились колхозники шишковать для себя. Ну, тогда и было убийство. Старались все как можно больше за день шишек наколотить. Мои ребята были ловкачи лазить на кедр, я не управлялась собирать орехи. Аня помогала мне, Славик караулил и отзывался на наши крики. Только на зов человека находили мешки с орехами и шишкой. Так нам удавалось неплохо набрать шишек, даже больше некоторых. Дома вечерами молотили, сеяли, веяли, сушили, в печке жарили, и карманы были полны. И запас делали, чтобы увезти в город и продать на нужды бедным студентам своим. Так поработавшие в колхозе и по дому и с шишками, отправившись они на пристань с мешками. Там под открытым небом приходилось ждать пароход иногда двое, трое суток.

Между тем добавилось материалов на Попова. И однажды еще раз вынесли его вопрос на общее собрание. Тут он как царь слетел с престола. Вот мы работаем с Артемьевым Николаем П. Человек он партийный, образование не большое, слабохарактерный, не опытный. Правда он работал бригадиром полеводческой бригады, когда я работала кладовщицей. И беда, любил выпивать. И еще беда, был по уши влюблен в меня. Он объяснился мне. Говорил, что с самого детства глаз с меня не сводит и завидует. Он был моложе меня на 8 лет, мне было даже противно слушать его. Я грубо ругала его, обвиняла в такой глупости. А он, не скрывая, говорил многим, что ни когда и ни кого так не любил. Подсыпал свою мать Акулину сватать меня, чтобы сойтись, пожениться. И как глупо это выглядело. У меня пятеро детей и у него пятеро. У него была жена молодая, красивая Федосья. Я говорила, ты совсем без ума. Не учитываешь, что будет впереди. Он предлагал уехать. Бежать, было еще глупей. Он мне опротивел. Хотя он был красивый мужчина и одевался хорошо. Что делать, работа, есть работа. Я думала, как уйти

далее от безрассудного председателя. И в работе так же спрашивал, что будем делать. Я подавала заявление на увольнение, так как были мужчины фронтовики, сигнала, могут заменить. Но всегда на заявлении писали отказать. В больнице мне давали справки, что освобождается от ходячих работ и тяжелого физического труда. Но это не помогало, и меня не увольняли. Николай так же обещал, бери попадь и пепком не ходи. Но это не возможно, без ходьбы не обойдешься, по-прежнему под каждое окно вызываешь на работу.

Болезни меня мучили часто, и лежать нельзя. Двойная болезнь. Скажут, что аборт сделала, от чего я не раз уже плакала. Такой болезни не знала и не знаю. По этому приходилось на ногах переносить все болезни, чтобы только не шлепи чужь. Признавали у меня опущение матки, не раз страдала воспалением придатков, расширение вен и ревматизм суставов ног с сердечными приступами. Однажды ночью схватил меня острый приступ. Страшно болел живот, исчезала вся. Мама плакала, заныла в правление. Утром меня отравили в больницу в Чилино, там дали направление на операцию аппендицита в районную больницу. А в Кожевниковской больнице я не застала хирурга. Он был в Томске, в отъезде. У меня приступ прошел. По приезду хирург не стал делать операцию. Признал хронический аппендицит и воспаление придатков. Две недели пролежала в больнице, и выписали. По приезду опять работа. Приступы продолжались. Я чувствовала, грыжа пупочная мучила меня, но в больницу не смела часто обращаться. Да и далеко – 90 километров, не просто попасть. Когда совсем при смерти, тогда только отправят.

Попов Федор П. Работал на разных работах. Ходил злой, смотрел зверем. В блокнот себе что-то все записывал. Как-то он обронил блокнот, а мальчишки подняли и читали. Писал он разную ерунду под вид докладных на кого был злой. Решил мстить и показать, что без него колхозное хозяйство падает и из-под тишка, как говорят, стал ставить палки в колеса. Однажды летней порой, в один день пало 17 коров на ферме. Приехали ветеринарные врачи. Признали отравление мышьяком. Выехали следственные органы, начались допросы. Вызывали многих, в том числе и меня. Допрашивали долго, был ли мышьяк, когда я работала кладовщиком. Делали обыск и дома, но я мышьяка и не видела средю. Попов как активист ходил с ними и делал обыск. Старался киветать, что это дело рук врагов. Ох, что я пережила в то время и ждала тюрьмы. Следствие продолжалось долго. Вызывали все новых и новых людей на допросы. Время шло. Как-то после полочки хлеба на трудовни, ночью постучались ко мне. Попов и его друг по пьянке Тимофей, велели открыть дверь. Они заявили, что должны произвести обыск, считали, что я получила лишний хлеб и зерно. Я не открыла ночью. Велели, пусть охраняют до утра. Они выполнили. Утром я открыла амбар, излишков они не нашли. Все же составили акт, что у меня зерно сухой других. Это было правдой. Кладовщик Ивкин пожалел меня, что у меня нет времени для сушки зерна и отпустил зерно из другого амбара, более сухое. А Попов и тут укараулил и вынес на общее собрание. Но меня никто за это не обвинил. Все понимали, что Попов капает яму для многих.

Как-то год тому назад у Григорьевой Золи внезапно пропали овцы. А жена Попова ревновала его к Поле. Грех падал на жену Попова. Поэтому стали предполагать, что у них есть мышьяк. Но не докажешь, он чистый, а мы..... Подъедал он Артемьева на каждом шагу. Поступали в район просьбы убрать его, но дали нам председателя другого, из Базоя, Кенгасва Антона. Молодой, спокойный человек. Долго не выдержал такой борьбы и ушел. Тогда нам дали пожилого, некоего Иванова Александра. А Попова перебросили в Летягино бригадиром.

1945 год

9 мая день победы. Впервые радость для многих, для многих и слезы, кто получил похоропки. Вернулись и мои братья, живы и мало вредимы. Иван был ранен не тяжело. Алексей пришел лишь только в отпуск. Он отслужил 6 лет, и теперь его как офицера не увольняли. И он во время отпуска подобрал, вернее мы подсоветовали, девушку и женился на ней, и увез с собой. Отсутствовал он не долго. Демобилизовался из-за ноги, у него тоже расширение вен. Стал работать учителем в Базое. Забрал маму с собой. Стало мне без мамы трудней, дома не кому присмотреть. Особенно когда я уезжала в город. А без города не прожить. Тут еще студенты мой душу терзают. Надо увезти продуктов. Вот собираю крахмал, крупу, масло, сало, мясо хоть немного, остальное на продажу. Дельги край нужны для налогов. Как-то отпросилась зимней порой в Новосибирск, чтобы побывать и в больнице. Отпустили. А как поехать одной. Я уговорила Кирвичеву Федору, которой тоже была нужда продать вещи, которые ее муж высылал из Германии. И еще я взяла Петю, ему было лет 19, окончил семь классов. Ося устроил его в индустриальный, где и сам учился. Но из-за болезни Петя был отчислен и работал, возил на быках сено на ферму. Вот я его и взяла в помощь. С попутчиками доехали до станции

А в городе, считала, меня встретят мои студенты. Пошло Петю, он знает, где они. Как всегда в город приехали ночью. По плану отправила Петю за санками и помощниками. Сама с Федорой узлами и мешками караулим на морозе. Ждем два часа, а Петя нет. Глухая ночь, людей мало, изредка шныряют подозрительные типы. Переживаю за парнишку, ночной порой один отправился. Часа в два ночи вернулся Петя весь в слезах. Не нашел ни кого. Ося уехал в Рубцовск, Аня на дежурстве была. Тогда Петя сообразил, сбежать куда езжали всегда наши. И тут неудача, ворота закрыты и его долгий стук никто не услышал. Тогда он перелез через забор и там нашел Женьку Сулимова и санки. Вот они и приехали. Погрузили туши баранины и свиные, узлы, мешочки с продуктами. Женька здоровый малый. На другие санки Федора уложила свои вещи и мои мешки. Все увязали. Ну и потом Женька с Петей потащили санки, мы только рты пооткрывали, отстали от них. Кричим, что бы шли потише. Пролетев километра два, остановились. Федора проверила, ее вещей нет. Закричала, вернулись обратно, но нигде не наши. Пока доехали до квартиры (километров семь) всю дорогу ругала меня, что я ее уговорила ехать, и я должна уплатить ей за все. И на квартире плакала. Ей говорили, при чем тут Межецкая. Она отвечала, если бы не ее мясо я бы свои вещи на себе могла бы донести. Ей отвечали, что надо было и нести. После торговли я ей все же дала 100 рублей. Настроение паршивое. Помощник мой Петя за прилавком не стоит. Я его прошу, ты со стороны смотри, что бы у меня не потащили мясо. Он стоит в фуфаячке, все на него оглядываются и просят уйти, принимают за карманника. Вижу, боюсь его, прошу его уйти совсем. Дрожу одна. На вторые сутки явились Аня, и Ося разобрали посылки и помогли продать оставшее. И всегда город для меня был большим мучением. Всегда на санках, по голым, бесснежным улицам тащилась как бурлаки. Ося все хотел сфотографировать. Помню, однажды Матвеева Хавронья предлагала бросить на улице это проклятое мясо, умираю от усталости. Уж такая была наша доля, горькая судьба.

На другой год отправила учиться в город Томск и Ваню и Петю. Петя стал учиться в зооветеринарном техникуме. Ваня не прошел по конкурсу и где-то устроился на работу учеником. Осталась я одна со Славой. Всем надо помогать. Меня даже мама ругает, что ты думаешь, скоро ноги протянешь. Всем надо помогать. Пусть бы работали в колхозе. Я еще надеялась на брата Ивана, который жил в Томске, и с квартирой, думала уладит. Но получилось от дяди Вани ничего, сам с рук жены выманивал. Как-то Аня в зимние канюшки поехала, ибо домой трудно попасть и дядя на билет не дал. И Петя все подолбы поотбивал, прыгая в тамбуре согревая ноги. Ездил без билета. Никто нам не помогал, ни родня, ни государство. Если бы была жива моя шестая Тонечка, я бы хоть немного получала бы пособия от государства. А за пятерых не платили, только наградили медалью за материнство и кушайте на здоровье. Через некоторое время Ваня вернулся в колхоз и стал работать. Работал он на прицепе помощником на комбайне. Ося учился последний год. Писал свои соображения, советовал мне расстаться с колхозом и с картошкой. Пишет, что он уже взрослый и берет долю тяжести на свои плечи. Сбрасывай колхозный хомут, ведь ты ни разу не посидела на лавочке, здоровье подорвала. Я смотрю на других, как живут, прекрасно живут, отдыхают, сидят на лавочках. Я побывал на практике в Искитиме, где и получил направление на работу. Посмотрел, люди живут не так как в колхозе, не жалеют картошки. Я читала письмо и плакала и Селезнева Афанасья плакала, говорила какой у тебя Ося хороший. Он тебя действительно из колхоза вытянет.

Вот я и решилась. Подала заявление, правление мне отказало. Кондратенко Павел убеждал, что Осю возьмут скоро в армию, а ты куда. Без специальности в городе пропадешь. А Ося писал еще и еще, мама собирайся, хлопочи документы. Я через министерство возьму маму. Я с письмом обращалась, а с документами было плохо. У меня не было даже метриков, ни паспорта. Я еще раз подала заявление на общее собрание. Просила, плакала, что мне надо лечиться. Большинство голосов в мою пользу, но с условием пока не закончится молотба. А молотба всегда длилась до ползимы. Решение я написала Оси. С самой осени, между делом, я начала хлопоты с документами. Ездили в Томск, где я крестилась, там ничего не нашли. Писала подтверждения, старухи расписывались. С попутчиками меня отпустили в Кожевниково, а там привязались, почему вы уезжаете, паспорт не выдадим. Опять слезы. Росписи и печати не было от сельсовета. Я в РАЙЗО, где были знакомые. Там мне и поставили печать, правда, выдали паспорт только на три месяца. Опять работа на молотбе. Замерзаем, ломается трактор, молотба хлебов затягивается. Ося пишет, 15 декабря беру отпуск без содержания и еду за вами, собирайтесь. Дали мне комнату в общежитии. Я ушел, костюм украл через форточку. Ах, с каким трудом я все доставала. Правда, Попов помог. Ну а деньги. С работы меня не отпускают, какие сборы. Куда девать скот, сдать в колхоз, деньгами не платят, мизерную цену только зерном и рожью. Телку сдала в колхоз, овец 10 штук молодняк, а старых девять зарезала на мясо. Осталась еще корова. Ося, советуя, писал, мама возьми зимнюю машинку и корову. Был

еще годовалый бычок и свиная большая. Маленьких поросят я заколола. Вот приезжает Ося, и только тогда меня отпустили с работы. Начались скоропостижные сборы. Как выехать, колхоз транспорт не дает, нанять не где и не кого. Мы решили запрягать корову и бычка, которые ни разу не запрягались. А корова стельная, саней нет, сбруи нет. Пошла в колхоз, попросила старые изношенные сани и рваную сбрую. Начали сами все ремонтировать. Свиною закололи, а дом со всеми строганиями с большим трудом продола за бесценно. Новых людей в колхоз не поступало, а только разъезжались. Дома никто не покупал. У меня усадьба очень хорошая. Огород 60 соток очень удобренный. Вода, мочула за огородом для полива, баня в огороде, амбар, стойка для овец, землянка и избушка. Дом пятистенный, большой, сени, кладовка. Я узнала, что желает переселиться Папа Сарецкая, чтобы к сестре Матии поближе. Я ночью ходила к ним навязывала свою постройку. И еще Иванов Сашка тоже ей навязывал, но она выбор сделала на мой участок. Продала за 2 тысячи 800 рублей старыми дельгами. А денег у нее не хватает, просит ждать. На все согласна я, чтобы уехать только. Она переехала. Мы за три дня собрали сбрую, закололи свиною. Уложили на одни сани ящик с одеждой и постелишки, швейную машинку. На другие мясо, продукты на неделю. Расчитывали, столько пробыть в дороге. Сами потащили сани. Где легче воз туда запрягли бычка. И еще лыжи обили вместе, положили овец для подкормки коров, рассчитав, что сами по очереди повезем воз, что бы согреться в декабрьские морозы. Ося сбегал в село Базой и взял справку из школы для Славика. О нем сожалели преподаватели, жаль хорошего ученика отпустить. Смеялись, возьмите другого который плохо учится. Слава учился в шестом классе.

1949 год 18 января мы покинули родной колхоз и свой дом, и все нажитое за 26 лет мозольным трудом. С домом я оставила Паше столы, 2 табуретки, скамейки, лавки, койку и зеркало правда, старое, кадки, бочки. И многое другое. Оставили на ее совесть в амбаре хлеб, зерно, овчины, шерсть, старую одежду, шубы, а под пологом и в яме картошка 1000 ведер. Вот я перекрестилась, всплакнув, помахала соседям, которые провожали. У них тоже слезы в глазах, жаль дружию и столько лет. Я еще раз облизнулась. Тяжко и страшно, что ждет впереди. Ребята не унывают, даже улыбаются, им и горя мало. Вела я корову свою Тамару за повод. Сначала она за мной пошла, но, почуввав груз тяжелый, всгала, и ни с места. Ося с бычком возился. Тот тоже падал в снег. Ваня знай, толкал сани. То мне помогал, то Оси. Славик вез лыжи с фуражом. А необученный скот мучался и нас мучил. То с дороги сойдет, то бежит, бежит и ляжет. Ребята бич нехлестали. А я корову тащу за повод. Немного пройдет и падает, мычит бедная. Мне ее жалко, ведь ей два месяца до отела. Ее хлещут, а я в защиту. Первый день удалось гоплым, мела метель. Дорога и без того малонаезженная, бродная, а тут еще метель. Дорога переносилась очень тяжело. Сами в брод по снегу и коровы выбиваются из сил. И еще за свою глупость останавливались не раз отдыхать. Так до позднего вечера мы добрались до Кондаурово. Устали до полусмерти. 15 километров нам показались как 50. С конца деревни выпросились ночевать. Мальчишки мои поужинали сытно. Славик говорит, как хорошо мы в дороге питаемся. На дорогу я наготовила, что только лучшее, колбасы всякой ливерной и с кровью, мясо, сыр. Знала нелегкую дорогу. Всю дорогу пешечком, да еще и коровам помогали. И печку тащить - это воз на лыжах. Мне такие дороги были знакомы, а для мальчиков впервые. Вот они после дневных мучений упали как мертвые и спят. А мне не до сна, все болит, ноги. Ноги куда их девать. И коровушек надо кормить, а они тоже лежат как убитые. Коровы не лошади, которые стоят отдыхают на ногах и едят. А корова хоть и не устала ночью лежит. А тут так намучались. Вот я кругом хожу, поднимаю, чтобы они поели, ведь утром рано запрягать, а они не встают. К утру кое-как подила, подложила немного сена. Не хотят. Подсыпала овса. Не хотят. Попросила у хозяйки в обмен на овес картошки. Нарезала, они поели немного. К овсу они не привычные. Разогрела завтрак, стала будить своих мальчишек. А они похожи на коров, трудно даже разбудить. Запрягли пораньше, потому, что в этот день пролет на 8 километров больше до Чермушанке и между деревень нет. Пустились мы в путь. Мороз стал сильней. Дорога переметена в брод, а пурга не перестает. Мы по малу движемся. Корова привыкла ко мне. Веду за повод, идет, стоило отпустить или дать другому, корова ни с места. Так я впереди тащу ее, а бычок плетется позади. Падать и уросить стали меньше. Ребята всегда, где дорога переметена помогают. С боку подвязали из веревок пелли, подпрыгались и помогали. И часто менялись, везя печку на лыжах. Продвинулись на несколько километров. Бычок наш стал останавливаться тяжело дыша. Часто останавливались, подкармливали. А он не ел, голову стал опускать все ниже и ниже, дышит все тяжелее. Часто стоит по долгу. А стоять - замерзешь. Позже совсем не пошел. Вот какое горе и задача. Прирезать, куда девать мясо и его воз. И никто в пургу не едет, чтобы нанять. А до деревни далеко. Стоим замерзаем. Думаю, что делать. Кто-то догнал и обогнал. И слушать не хотят меня. Тогда я заставила своих мальчишек помочиться в кружку и вылила это бычку в горло. Еще немного постояли. Бычок стал дышать легче, вскоре стал есть.

сено, и через несколько минут мы тронулись в путь. К ночи мы добрались до Чермушанки. Ночью также ухаживала за скотиной. Покупала сено. Меняла на овес картошку, они картошку ели лучше. На третий день дорога стала лучше, больше, наезженная. Мы втянулись, привыкли, как и коровы. Трещал декабрьский мороз, а мы тащились все вперед и вперед. Сани скрежетали. На встречу в лицо бил ветер со снегом. Так нахлестывал лицо, что вечером оно огнем горело в тепле. Коровы так же с вечера лежали на снегу без подстилки. Каждый вечер мы свой багаж стаскивали с саней, где хозяин разрешит, а утром выносили, укладывали, завязывали, запрягали и мучались живой мукой. На шестой день мы подъезжали к Новосибирску, а это 120 километров. Мороз 40 градусов. Щеки обморожены, почернели и сидели на них нахлестанные ветром крупинки снега. Заехали на знакомую квартиру. Маша Лукашова удивилась и ругала нас. Вы что сдурели, в такой мороз отправились в дорогу, да еще и в самый короткий световой день и длинные ночи. Поставили среди двора скотинку. Я вымя, правда, завязала, хотя бы соски не отморозила совсем. Корма нет, весь вышел. Подстилки нет, на снегу легли. Мясо, застывшее в лед сносили в сени и легли отдыхать. Ночью стучит соседка Мария Ивановна и опять нас ругает, что мы издеваемся над скотиной. И велела завести скотинку в ее сараюшку. Я обрадованная ее добротой завела в ее сарай хоть одну корову. Рано утром мы с ребятами сами бычка закололи, и обделали. Пошла на базар, купила за 25 рублей мешок сена, накормила корову. Потасили на санях мясо на клеймежку, заклеямили, а вечером опять до квартиры тащимся – километров семь. Утром опять тащимся продавать, занимаешь места. Рубщик отказывается рубить мясо. Оно так замерзло, что крошится как кость. Рубщик велел везти и подтаять. Мы потащились обратно. Между тем время идет, не ждет. У Оси отпуск кончается. Выносим решение, Оси надо ехать и Славика скорей в школу устраивать. И без того Слава уже много пропустил. Ося забирает Славу, швейную машинку и на пригородном поезде они уехали. А мы с Ваней остаемся мясо продавать. Два дня мы продавали и оставили. Как корову увести, спешили двигаться скорей до Искитима, так как корма для нее не было. Мы должны двигаться скорей вперед. А Ося в спешке нам и адреса не оставил. Из его разговоров одно запомнила, что Искитим, три минуты ходьбы до жил городка от вокзала. И все.

Встали очень рано. Уложили на один воз все. Ящик большой, сало, шпик, мясо, тушу свинины и баранину и тронулись с места. Новосибирск проехали еще ночью. Дорога не знакомая, впервые. Все надо спрашивать у людей. Дорога тут торная Корова пошла и пошла. За день мы добрались до города Бердска. В заезжем дворе заночевали. Корм все покупала, дорого обходилось прокормить корову. И опять так же все за повод ташу свою Тамару. Ваня бичик свой исхлестал, потеря. Он ломал прутья и подгонял. А где не пойдет, помогал, толкал сзади или рядом подпиргался. Была договоренность с Осей, что он на лыжах нас встретит. Так как мы на один день раньше прибыли, то никто нас не встречал. Ося рассчитывал, что мы из Новосибирска в дороге будем три дня, по 20 километров в день. С начала мы так и продвигались. А тут дорога лучше, да и воз полегче. Вот мы и приехали раньше. Язык довел до Искитима, люди дорогу указали. И мы поздно ночью заехала с самого края на Советскую улицу. А я знаю, что нам надо добираться до вокзала. А от вокзала я помню, что три минуты ходьбы. Я спрашиваю, как нам добраться до вокзала. Нам указали. Спустишься в ров, из него надо подняться к железной дороге и возле линии ехать. Наша корова, прошагав 30 километров, совсем ложилась. Вот мы в темноте спустились в ров, а подняться нет сил. Ваня нашел цепь тяжелую. Начинает бить бедняжку стельную. Я Ваню ругать стала, жалко корову. С каким трудом мы выбрались на гору к линии. Допелись до вокзала. Спрашиваем жил городок. Приползли туда и встали совсем. Адреса не знаем, какой дом, какая квартира. Да и поздняя ночь на дворе, люди не хотят открывать. У меня ноги уже совсем не шагают. Я на воз навалилась и прошу Ваню. Иди Сынок, как ни будь спрашивай. А он говорит, что у кого спрашивать ведь город не деревня, тут за стенкой не знают друг друга. Так тебе и скажут, где твой Ося живет. И Ваня мой ни с места не трогается. В тот момент мне казалось, что мы среди улицы замерзнем, перенесшие такие трудности в дороге за десять дней. Еще Ваню прошу, а он не идет. Я слезами заливаюсь, замерзаю. Потом решила, отдохну немного и пойду сама. Пошла. Свернула на право к большому каменному дому. По тропинке, подходя к дому, мне навстречу встретился мужчина. Я со слезами на глазах, умоляя, спрашиваю его, знает ли он такого, у нас нет его адреса. А он и говорит. Вы Осина мать. Я, да, да. Он, идем. Сам под окно постучал. Ося встречай мать. Ося выплетает, меня под ручки. А у меня, или от усталости, или от радости ноги совсем подломились. В комнате села и уже не могла подняться. Одно сказала, что если я живая осталась, то еще, наверное, суждено жить.

Было 25 декабря. Как раз рождество. Незабываемый день. Ося успел Славу устроить в школу. Договорился насчет стайчонки для коровы, хотя и холодная, а сена ни исплочка. Добрые соседи дали охапок сена. А в среду пошла на базар и купила воз сена. Сено

сложили на улице и ножами стали нам помогать, нечестные граждане, растаскивать наше сено.....

На этом записи воспоминаний прерываются.

Записи восстановил внук Межецкой Люции Алексеевны
Сын ее старшей дочери Анны Зигмундовны
Калинин Сергей Иванович

2004